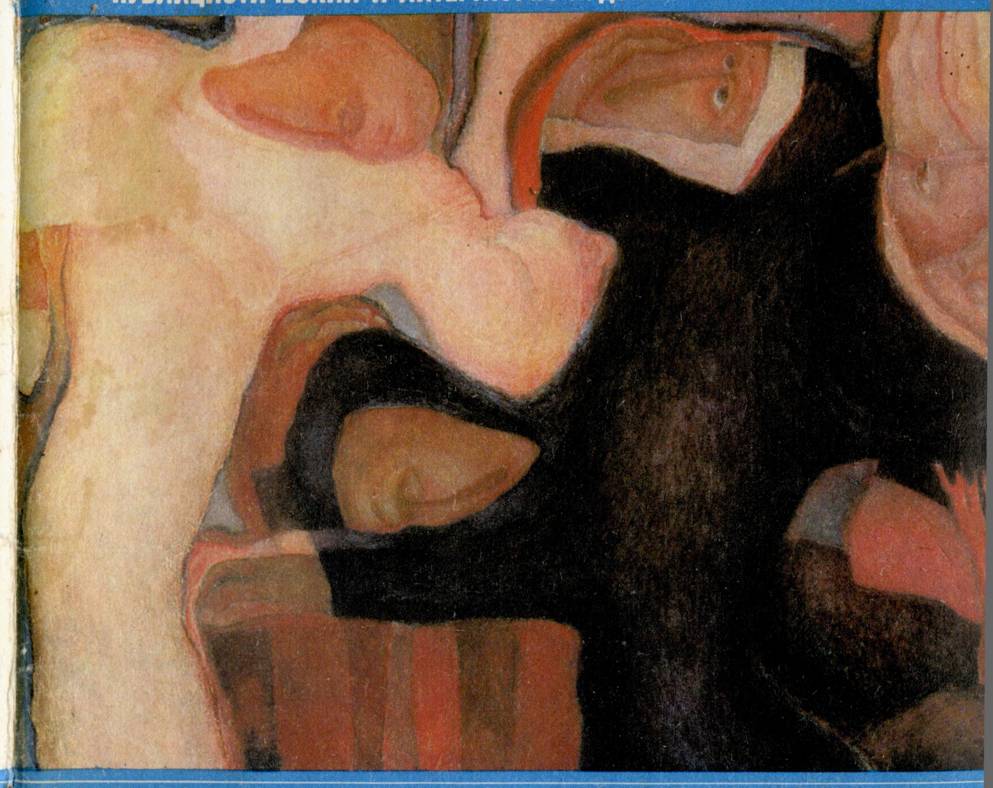
Цена номера:
по подписке — 50 коп.,
в розницу — 70 коп.

ГОРИЗОНТ

Индекс 73755
ISSN 0234 – 1824

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Александр Путко:
ВОЗМОЖНА ЛИ В СССР «СОЛИДАРНОСТЬ»?

Дневники **РАШЕЛЬ ХИН-ГОЛЬДОВСКОЙ**

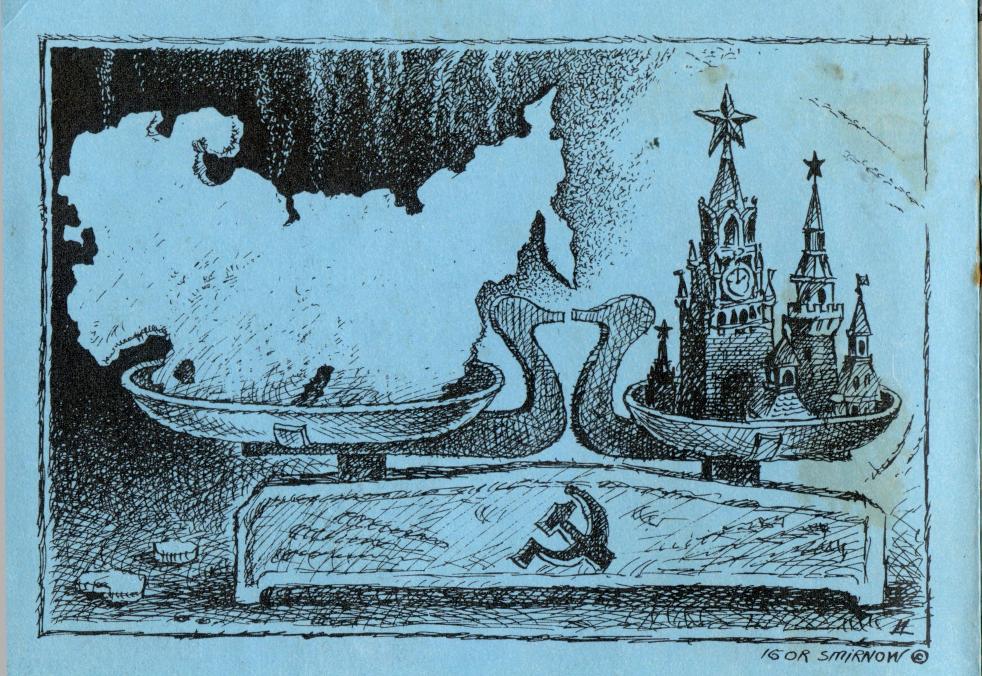
«НАМ ВСЕ ПОЗВОЛЕНО...»
Из документов ВЧК

5
1991

Григорий Померанц
ВЫХОД ИЗ УТОПИИ

ПЛЕННИКИ СТОЛИЧНОГО ЗАХОЛУСТЬЯ

Запрещенный роман Анатолия Мариенгофа
«БРИТЫЙ ЧЕЛОВЕК»

ISSN 0234-1824

Горизонт

5 · 91 ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 4, см. на с. 34

На обложке и вкладках номера: живопись Владимира Галацкого

Издатель — издательство «Московский рабочий»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции:
928-97-42.

Сдано в набор 27.03.91. Подписано к печати 22.04.91. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,09. Тираж 100 000 экз. Заказ 1789. Цена номера: по подписке — 50 коп., в розницу — 70 коп.
Малое издательское предприятие «Горизонт». 101854, ГСП, Москва, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Григорий Померанц

ВЫХОД ИЗ УТОПИИ

Последнее время я много думаю о выходе из утопии. Входили в нее с энтузиазмом...

Мысленно слышу возражения: это кто «входил с энтузиазмом»?

Отвечаю: никакой народ не бросается в неведомое от хорошей жизни. Бросается растерянный, отчаявшийся. И тогда один энтузиаст, знающий, «как надо», может увлечь за собой сотни, тысячи. Говорю это по опыту. В 1917 году я еще не успел родиться, но в войне участвовал, а на войне тоже бывают революционные ситуации...

Как-то раз после прорыва линии Вотана я на волне энтузиазма взял на себя командование, и мне подчинялись. Хотя я не имел ни подходящего звания, ни должности. На войне такое бывает довольно часто. Без отделов кадров, без анкет, без назначения.

Был другой случай, уже в мирной обстановке, когда я сам был генератором энтузиазма, об этом я рассказывал в «Корзине цветов» (Октябрь, 1990, № 11).

Такие наплывы энтузиазма случались у меня редко. Гораздо чаще хотелось стоять в стороне и вглядываться: что происходит. И пытаться понять. В конце жизни у меня даже сложился идеал зеркала, не замутненного никакими концепциями и никакими страстями. Просто созерцать жизнь такой, какая она есть. Задним числом мне кажется, что энтузиазм — довольно поверхностное воодушевление (потому именно он и бывает массовым), и нужно что-то другое, более глубокое. Но я хорошо понимал женщину, сейчас уже покойную, рассказавшую мне, что в юности она увлекла колебавшийся стрелковый полк — не то к нейтралитету, не то к прямой поддержке большевиков. К чему именно, сейчас забыл. Представьте себе теперь группу людей, с энтузиазмом принявших известную идею и связанных железной дисциплиной... Сейчас многие любят подсчитывать, сколько на VIII съезде было русских и сколько евреев. Но истории важно другое: сколько было энтузиастов. И с полным пренебрежением к цифрам я говорю: д о с т а т о ч н о. Иначе ничего бы не вышло.

В те годы ораторская подготовка заменяла артиллерийскую. Ораторская подготовка позволила мобилизовать крестьянских парней, не хотевших воевать ни за красных, ни за белых, и сделать их красноармейцами. Белые пытались провести мобилизацию — и не сумели: у них не было митингового напора. Не было веры в утопию, перекликавшейся с народной эсхатологией, с поисками града Китежа и Белых Вод.

Много говорят о терроре. Но чтобы создать машину террора, тоже нужен энтузиазм. Сперва энтузиазм — потом уже террор. «И вечером, сверх пайка,— шесть золотников свинца» (Н. Тихонов).

Сейчас, на похмелье от Революции и Утопии, трудно понять, какой они вызывали хмель. Я слышал по «Пятому колесу» какого-то священнослужителя, повернувшего против большевизма карамазовскую боль за страдание хотя бы одного ребенка. Но революционеры начинались с тех же «Карамазовых» — иначе прочитанных. Из бунта Ивана Карамазова вывести революцию не труднее, чем отвращение к революции.

Скорее даже легче. Иван Карамазов возвращает билет Богу (а не Ленину). «Это бунт»,— говорит брату Алеша. Но и Алеша воскликнул, что генерала следует расстрелять. Бунт Карамазовых и большой бунт, революция, одинаково начинались с «нетерпения сердца», с нетерпеливого желания раз и навсегда покончить со слезами детей (и взрослых, погибавших на бессмысленной бойне). Революция объявила войну — войне. Не тихому и мирному христианскому житию, но всеобщему озверению — и продолжила его, и усилила (все вместе: и красные, и белые, и зеленые; патриарх Тихон вынужден был издать особое послание против участия христиан в погромах). А началось со слезы ребенка. И Дзержинский одновременно руководил красным террором и спасением беспризорных детей и был убежден, что это одно и то же дело: «Добро должно быть с кулаками».

Я застал вторую волну энтузиазма, несколько искусственного, директивного, без прежних великих демагогов — в начале индустриализации. Меня эта волна слабо задела. Но были и тогда энтузиасты. А потом их съели репрессии. В 1941-м слово «энтузиасты» употреблялось только в одном контексте: в названии шоссе Энтузиастов. Того самого, по которому в октябре удирало из Москвы мелкое начальство; а неорганизованные граждане раскурочивали машины. Наконец — еще один взрыв энтузиазма: после Сталинграда. И все. А сейчас — никакого энтузиазма. Одновременно рушится и то, за что боролись красные, и то, за что воевали белые (Россия единая и неделимая).

Мы барахтаемся среди обломков утопии и империи и каждый день ждем новых экологических катастроф. Никому неохота таскать каштаны из огня. Все ждут от правительства, чтобы оно за 500 или 1000 дней устроило нам сладкую жизнь. Но сладкая жизнь нам не светит, а светит инфляция, безработица и резкий разрыв между богатством и нищетой. Раньше его маскировало Государство. Дача Хрущева в Пицунде была не хрущевская, а государственная. Сейчас «дачи» приватизируются (присваиваются за 5—10 процентов стоимости). Фиговый листок сброшен. Один будет зарабатывать миллион, а другой — 100 рублей. Допустим, я умею писать статьи. Но «средний» мой ровесник пишет только жалобы и письма в журнал «Огонек», а кто позлее, ищет вредителей и диверсантов (сейчас их называют жидомасонами). Пожалуй, в этом деле энтузиазм еще вспыхивает. И время от времени в разговорах о «третьем пути» снова мелькает призрак Утопии. Опять хочется выпрыгнуть из истории со всеми ее трудами и слезами в идеальный, но — увы! — неосуществимый проект.

Впрочем, молодые даже к этому не имеют склонности. Они, скорее всего, не читали Всеволода Некрасова, но дух времени нашептал им его стихи: «Ты будешь гореть, я буду гореть, а он будет руки греть... Ты не будешь гореть, я не буду гореть,— и он не будет руки греть...»

Или вот еще стихи:

Слов для возраженья не найдешь:
Чем старее мир, тем плесень гуще.
Плесень... плешь... Грабитель... грабь... грабеж...
Воронье... ворье... Дележ... кутеж...
Гамма ассонансов в райской куще.
Каменеть планете, леденеть.
Кончилось горячее дыханье.
Мертвой ею — плесени владеть.
То есть нам...
Плесень быть за счастье бытия.

Плесень знанья, где ничто не ново.
...Чтоб взыграла плесень — жизнь твоя,
Плескани в нее вина дурного.
(Мария Аввакумова)

Мы так долго не перестраивали свой дом, что сами опоры прогнили, сами люди прогнили.

Может быть, при хорошем правительстве удастся года за три остановить катастрофу, распад. Но стиль работы и стиль жизни быстро изменить невозможно. Инерция стиля ведет нас в порочный круг слаборазвитости. И споры идут только о том, какими иллюзиями прикрывать эту правовую, культурную и экономическую слаборазвитость.

Выход из Утопии — не менее трудное дело, чем вход в Утопию. И для первого толчка непременно нужен новый дух. Откуда его взять! Что у нас осталось подлинного, не поддавшегося тлению и подмене!

Макс Вебер очень убедительно показал, что дух капитализма возник из протестантской этики: из крепкой веры в Бога и убеждения, что Бог труды любит, а не монашеские подвиги. Победа капитализма в католических странах пришла с опозданием, в православных — еще позже. И вот вопрос: как сочетать возрождение православия с модернизацией и вестернизацией! Очень они разного духа. Настолько разного, что один ответственный журналист сказал мне: «Наш принцип — светскость; мы не будем участвовать в том, что называется духовным возрождением...» Можно мечтать о «православном варианте протестантской этики», как это делает И. Роднянская в своей статье о С. Н. Булгакове (Литературное обозрение, 1990, № 8). Но деятельность Александра Меня, его мирская активность, пробивавшаяся сквозь все запреты, вызвала ненависть традиционалистов. Они ищут святынь, но таких, которые позволяют сохранить привычки ненависти. И люди, рванувшиеся к старому доброму наследию, сплошь и рядом попадают в ловушку демонизированной духовности.

Георгий Петрович Федотов, книги которого сейчас начинают доходить до читателя, с тревогой заметил еще в 40-е годы признаки дегуманизации не одной только светской культуры. По его словам, дух времени всюду находит свои лазейки, и православие не избежало общей участи. «Духовность, оторванная от разума и чувств, бессильна найти критерий святости; смотря на многих современных духоносцев, трудно решить: от Бога они или от дьявола! Внеэтическая духовность и есть самая страшная форма демонизма» (Г. П. Федотов. Новый град. Нью-Йорк, 1952, с. 352).

Испугавшись революционного и толстовского морализма, «в борьбе с обезбоженной моралью русская православная мысль пыталась создать религию без морали...* Поставив в средоточие религиозной жизни молитву и таинства, русское церковное возрождение лишь восстановило истинную иерархию. Но восстановило лишь в ее центре. Отправляясь из этого центра, каково будет строение всей религиозной жизни — а следовательно и культуры! Вот основной вопрос русского будущего» (там же, с. 367).

Пытаюсь продолжить, окунаясь в сегодняшнюю жизнь, мысль Федотова. Что нам прежде всего нужно! Освобождение от ненависти. Чувство вечности, в котором тонут национальные и социальные обиды, как горсть окурков — в океане. Не погасив огня ненависти, мы ничего не перестроим. Какая стройка (или перестройка), если между армянами и азербайджанцами, между молдаванами и гагаузами приходится вводить войска! И что льет в костер ненависти возрожденное православие!

Полвека назад Федотов с тревогой отметил замечательный сдвиг в культе святых: «Наибольшим почитанием пользуются воинственные святые — возможные покровители в гражданской войне» (там же, с. 347).

Когда-то я писал, что ярость битвы может превратить змееборца в нового змея. Покойный о. Александр Мень показал мне тогда (мимоходом, как он всегда делал) на хорошую икону Георгия Победоносца, и я согласился, что на хорошей иконе святой сохраняет отрешенную чистоту духа в пылу битвы. Но куда подевалась эта отрешенность на значках и знаменах «Памяти»! Она слиняла, и из-под христианского культурного слоя высунулось: «Наших бьют!» Не могу удержаться от искушения вспомнить еще одну цитату, на этот раз — не из Федотова, а из выступления С. С. Аверинцева на недавнем круглом столе:

«Печальная истина, в которой мы, однако, должны сознаться,— это то, что в раннем большевике, который ломал церкви, на уровне бессознательных навыков оставалось порой больше от тысячелетия русского христианства, чем в теперешнем неофите, который приходит в церковь и молится там, но все его жизненные навыки сформированы тем безбожием, которое насаждали его отец и дед. И этому надо посмотреть в глаза» (Век XX и мир, 1990, № 7, с. 17).

Один из предметов спора между либералами и почвенниками — отношение к западной массовой культуре. Либералы считают своим долгом принять ее. Запад доказал свою жизнеспособность, следовательно... Это логика древнего софизма: негр черный, совершенно черный, поэтому зубы у него тоже черные. Но, во-первых, вовсе не все на Западе хорошо. А во-вторых, элемент культуры, перенесенный в другую культуру, может совершенно изменить там свою роль. Прошу прощения за малоизвестный пример: буддизм дзэн, переселившись из Китая в Японию, приобрел самурайские черты, а в Америке смешался с сексуальной революцией, индийским тантризмом, наркотиками и стал синонимом богемы; между тем, на Дальнем Востоке он отличается суровой, даже палочной дисциплиной.

Поближе к нам пример Ирана. Шах пригласил американских советников и провел ряд очень эффективных социальных и экономических реформ. Успех был фантастический (нам бы такой). Но сам успех оказался роковым. Западная экономика потянула за собой западную культуру, несовместимую с исламом, потеряно было тождество человека с самим собой. Поводом к катастрофе послужили фильмы с голыми женщинами и постельными сценами и дозволение фотографировать шахиню в мини-юбке, играющую в теннис. Староверы обложили чем-то горючим кинотеатр в Абадане и сожгли его вместе с публикой. Шах приказал казнить фанатиков. Тогда начались демонстрации. Их расстреливали, но в мечетях объявлена была запись добровольцев — идти в первых четырех рядах. Стреляли не пластиковыми пулями, как в каком-нибудь сионистском Израиле и в империалистическом Ольстере, а боевыми; первые четыре ряда выкашивали полностью...

Иран — страна не просто мусульманская, а шиитская, с культом страдания за веру. Ежегодно там отмечается битва при Кербеле, в которой Хусейн, внучатый племянник Мохаммеда, был убит несколькими десятками ударов сразу (никто не решался взять грех на себя одного).

* Разумеется, не аморальную религию. Федотов имеет в виду отсутствие твердых нравственных требований, готовность накрыть епитрахилью любое пьянство, любой разврат.

Мужчины торжественно идут по главной улице города, нанося себе неглубокие раны, обливаются кровью и возглашают: «Шах Хусейн! Ва Хусейн!» (по-русски получилось «шахсей-вахсей»)... Недостатка в добровольцах не было. В конце концов шах не выдержал ежемесячного «девятого января» и отдал страну Хомейни.

Я не думаю, что Василий Иванович Белов сожжет себя ради запрета аэробики... Но нельзя сказать, что у нас вовсе нет фанатиков. Когда Венедикт Ерофеев заявил о намерении избрать местом действия очередной трагикомедии церковь, к нему явились адепты «черного православия» и пригрозили убить. Это факт подспудный, но достоверный, сообщенный мне несколько лет назад закадычным другом покойного. Впрочем, есть и недавний публичный факт: И. Р. Шафаревич с одобрением отозвался о смертном приговоре автору «Сатанинских строф». Многие патриоты, отождествляющие себя с православием, психологически ближе к исламу Хомейни и Саддама Хусейна, чем к западному христианству.

Дружеский диалог, который покойный протоиерей о. Александр Мень вел с католиками и протестантами, вызвал у нас взрывы ненависти. Но в церковных кругах очень спокойно отнеслись к братанию «Памяти» с иракскими мусульманами. Всем понятно, кого они вместе, дружно, братски ненавидят.

Я не думаю, что ненависть к о. Александру сводится к юдофобству. Вскрылось глубокое внутреннее противоречие. Для одних православное христианство — ветвь общей христианской культуры и с в я з ы в а е т Россию с Западом; для других православие — нечто совершенно особое, замкнутое, противостоящее Западу до самого второго пришествия, и экуменизм ассоциируется с масонством, а масонство — с нечистой силой. Если копнуть глубже, то всплывет старый спор между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, между духом и «чином», между милостью к заблуждающимся и призывом жечь еретиков... Сумеет ли православие упразднить победу «осифлян» и вернуться к св. Нилу? Ибо только в духе, а не в чине, тонет обида, ненависть, злоба.

Что меня поражает и в духовном, и в светском почвенничестве,— эта просвечивающая сквозь агрессивность трусость, неверие в свои силы, страх остаться наедине с духовным вызовом, без помощи государственного и неформального насилия. Как будто литература, давшая миру Достоевского и Толстого, нуждается в особых запретительных мерах против инородцев. А православие рассыплется, если несколько священников — и даже один священник — примут всерьез экуменический диалог.

Впрочем, и юдофобство у нас — вполне на уровне нашей общей правовой и культурной слаборазвитости. Никак не похоже на цивилизованные страны, к которым мы хотим приблизиться по мясу и молоку. Можно ли вообразить, что о. Александр, овдовев, принял постриг и стал чем-то бо́льшим, чем рядовой священник? Скорее могу представить себе Кремль, разрушенный землетрясением в девять баллов.

Слышу мысленный вопрос читателя: зачем я, человек нецерковный, вмешиваюсь не в свое дело? Отвечаю: оно и мое. Право философа — заниматься всем. Для меня все догмы, в том числе и православные,— это обточенные веками словесные иконы. Подобно зримым иконам, они помогают созерцать святое. Но они не суть само святое. Различие между догмами — как между Владимирской Божьей матерью и Спасом: облик разный, а суть одна. Эту суть я глубоко почитаю, более того: я в нее неколебимо верю и чувствую дух Божий во всех великих вероисповеданиях, по ту сторону богословских споров. Это первый ответ. А второй: культура неделима. Нельзя вычеркнуть из нее религию. Та или другая религия (или группа религий) — ось национальной культуры. Развитие России мимо православия и без православия уже оказалось один раз безбожным и бесчеловечным. Но может ли православие развиваться? Возможно ли здесь обновление, соединение духа святости с духом свободы, как искал этого Г. П. Федотов?

С внутрицерковным противостоянием перекликается социальное. Половина населения России — деревенские или недавно из деревни. Они раскрестьянены, но городскими тоже не стали. Городской к у л ь т у р ы, умения жить по-людски в городе у них нет. Воспоминания о целостной жизни тянут назад, в деревню. А деревенская культура — замкнутая. Открытости миру она не выдерживает, распадается (почти как культура племени). Этика и этикет в деревенской культуре не разделились, распад обычая означает хаос...

Моя знакомая преподает алексеевскую гимнастику и летом бегает на довольно большие дистанции. На полевой дорожке повстречалась ей старуха. С ужасом поглядев на бегущую, она перекрестилась и назвала бесстыжей, сатаной. Я уверен, что на соседку, пустившую на ночь чужого мужика, старуха бы добродушно поворчала: дело обычное, но бегать среди бела дня в купальнике — это все равно, что летать на метле. Это жидомасонство.

Между тем, для коренного горожанина спортивный костюм — не вопрос этики и не нарушает ни одной заповеди. Я видел фотографию владыки Антония Блюма, митрополита Сурожского, в тренировочном костюме, со свистком в зубах (он судил игру своих чад в волейбол). Кажется, это не уменьшило силу его молитвы. Но этикет, державшийся веками, но чин Иосифа Волоцкого нарушен. И для этикетной культуры это кризис.

Традиция замкнутой культуры, опирающейся на строгий чин (тот же этикет), очень сильна в России. Грубо говоря, это московская традиция в противоположность петербургской. Федотов предсказал, что революция, разрушив петербургскую империю, даст всплыть старомосковскому слою. Так, кажется, и случилось. Что же мы думаем возродить? Пушкина (с возможностью нескольких интерпретаций, от Непомнящего до Синявского) или протопопа Аввакума?

Делается попытка самого Пушкина стилизовать под Аввакума, а Синявского предать анафеме. Но «тоска по мировой культуре» (Мандельштам) у нас тоже довольно сильна. Здесь борьба, может быть, когда-нибудь перейдет в дружеский диалог. Одного не пойму: какая тоска заставляет помещать на обложках голых красавиц? Разве только тоска по рублю.

Ни одна цивилизация не бывает идеально уравновешенной. Современный Запад перешагнул через оптимум в раскрепощении личности, освобождает инстинкты, противоречащие свободе духа. Полная свобода материально-телесного низа и свобода духа несовместимы. Чем-то надо пожертвовать. Даже ради любви мужчины и женщины, которая гнездится в сердце, и рушится, если сердце теряет власть над приливом крови в пах. Тем более ради любви к Богу...

Западный человек очень дисциплинирован, очень привык ответственно делать свое дело, и перекосы его покамест не губят. Листая журнал с голыми девушками, он расслабляется после восьми напряженных рабочих часов. Человек массы и за бугром, несмотря на века развития личности, еще не совсем личность и иначе не умеет освобождаться от роли придатка машины.

Судя по всему, мы начинаем сразу со сладкого, с западного мас-

сового способа расслабиться, даже не начав усваивать западную ответственность за свое дело. Основанную на вековой традиции одновременного роста свободы, достоинства и ответственности. И начинать бы с первого блюда, а не с компота. К тому же пошлого.

Я опять называю это слово. Массовая культура несет с собой мутную волну пошлости. Она не сводится к пошлости, но пошлого в ней очень много. И задача любой национальной культуры — не плыть по течению пошлости, а создать противотечение. Оно есть и на Западе (не будем на него смотреть глазами старовера). И надо бы примкнуть к этому противотечению, а не к основному потоку.

Запад — это не только рынок. Это еще и напряженное усилие уравновесить духовное влияние рынка. Экономической эффективности противостоит не только социальная защищенность, но и еще одна ценность: духовная культура. Культура, раскрывающая в человеке его глубинные слои. Те слои, которые оглушены деловым и рыночным шумом и оживают в тишине. Человек массы боится ее (она высвобождает тоску по целостному и вечному, которую надо — но трудно — вынести). Он ищет, как бы заполнить тишину каким-то новым шумом. Однако мимо тоски нет дороги в глубину. И хорошая массовая культура должна приоткрывать эту дорогу для тех, кому пошлость надоела, кто тоскует по подлинному и ищет самого себя в великом искусстве.

С рыночной точки зрения все, что стоит 10 рублей, равноценно, и школьник, пересмотревший всю видеопорнуху, в известном смысле образованнее академика. А культура — это иерархия глубины и борьба за иерархию, это помощь людям в движении вглубь. Противостояние пошлости вовсе не совпадает с противостоянием элитного (усложненного) и массового (простого). Усложненное, изысканное тоже бывает пошлостью — на серебряном блюде. Начинаешь читать, захватывает игра возможностями языка, и вдруг видишь: тот же общепит. Та же общелягушачья икра.

Слово «масса» не однозначно. Первый смысл: нечто, потерявшее структуру, люди, потерявшие почву и не пустившие корней в небе. Масса (в этом смысле) тяготеет к пошлости. Но есть и другой смысл: примерно то же, что народ (в выражении «много народу»), большинство (читателей, избирателей). В искусстве, доступном массе, есть свои вершины подлинности. Есенин был явлением массовой культуры 20-х годов. Высоцкий — явление современной массовой культуры. По-моему, он значительнее многих мастеров с их элитными языковыми экспериментами. С известными оговорками можно отнести к массовой культуре и прозу Александра Грина. Снобы от нее морщатся: Грин не чурался языковых штампов, в нем нет изысканности. Но я верю Грину, когда он пишет: «Они жили счастливо и умерли в один день».

Подлинное искусство сложно, трудно тогда, когда иначе ему не удается выразиться. Рильке сложен (попробуйте пересказать попроще). Но сложность вовсе не гарантия глубины (иногда — пустоты). Селинджер старался писать так, чтобы его понимали старые библиотекарши. Бёлль писал очень просто. Его никто не принуждал это делать, не было над ним цензоров социалистического реализма. Просто написанный и доступный миллионам «Матренин двор», по-моему, лучше, чем «Узлы» с их придуманным языком. Фильм «Мост Ватерлоо» — мелодрама, доступная продавщице, но мелодрама благородная, хорошо поставленная, и меня она тоже волновала.

Я сам не из бывших графьев, и вылезть из массы и научиться отличать подлинное от пошлого меня научило искусство, простое и подлинное. Сперва литература, кино, потом живопись. В Музей новой западной живописи я начал ходить просто потому, что там была тишина, туда не водили экскурсии, и можно тихо, спокойно смотреть на Ренуара (других я не понимал). Потом пригляделся к Моне. Потом к Сислею... и т. д., вплоть до кубистов. Еще дольше оказался путь к музыке. Первым прорывом в настоящую музыку был кусок «Лунной сонаты», которую в фильме «Чапаев» играет белогвардейский полковник. Потом полковник приказывает пороть пленного шомполами. Из этого следовало сделать вывод, что интеллигенты — сволочи. Но фильм хорошо озвучен, и на волне захваченности сюжетом я впервые почувствовал Бетховена. Попробовал слушать его в консерватории — не получалось, не мог сосредоточиться. Следующее музыкальное впечатление (через два года) — «Болеро» Равеля. И опять: на концертах хлопал глазами. Ухватился за оперу (там помогали сюжет и слово). И вдруг — лагерная тоска. Музыка по репродуктору была единственным приветом из Москвы. Я ходил по морозцу и слушал симфонии Чайковского. Таких меломанов на лагпункте оказалось два человека, остальные грелись в бараках. Вот вам и элита! А началось с революционного фильма, который вполне можно отнести к массовой культуре.

Нет никакой стены между хорошей массовой культурой и снеговыми вершинами, на которые трудно влезть. Была бы тоска, и вы дойдете. Задача хорошей массовой культуры — заронить эту тоску: музыкой Бетховена, вплетенной в фильм, поэтичной съемкой природы... А во многих «духовных» созданиях тишины нет, там все громко выговорено, никакой тоски, толкающей вверх, они не будят, напротив: оставляют на том же уровне страстей, на том же уровне ненависти к врагам и вредителям, только одевают все это в золотые венчики. Такое искусство не нуждается в поддержке, оно само найдет дорогу на рынок: антирыночная риторика — тоже хороший товар. А искусство некассовое нуждается в поддержке, оно так же важно, как школы и больницы.

Я слышал по радио Антонова (соавтора Шафаревича в доносе на «Октябрь»); он говорил, что тысячи концертных залов в Соединенных Штатах — «мякина культуры», нас, мол, на этой мякине не проведешь, настоящей духовной жизни там нет (нет православия). Побольше бы нам такой «мякины»...

Граница между светской и духовной культурой — такая же размытая, как между культурой массовой и элитарной. Первое представление о поэзии религиозного чувства мне дал атеист Стендаль: он любовался верующими женщинами. Потом пришли Толстой, Достоевский... У Толстого особенно много евангельских цитат, и я их постепенно запоминал. При первом чтении Евангелия казалось, что это собранные вместе цитаты из Толстого и Достоевского. У них евангельские диалоги вплетены в современную жизнь, и Евангелие пережито как что-то жизненно важное сегодня, сейчас... Я не знаю, понял ли бы я Евангелие без этой подготовки, даже так неполно, слабо, как при первом чтении. И еще что-то я получил от такого порядка чтения: догадку, что одно и то же Евангелие можно толковать по-разному, и разные толкования дополняют друг друга, как Достоевский и Толстой, а вовсе не исключают. Так я понимаю теперь и вероисповедания, сравнивая их с разными толкованиями одного великого поэтического текста, к примеру, «Медного всадника». Федотов видит суть его в столкновении Петра и стихии (наводнения, змеи); а Евгений — просто обыватель, попавший под руку. Терц разглядел в Петре метафору Поэта, Вдохновения, а в Евгении — человека, который «всех ничтожней». Мне ближе третье толкование: спор стихий (природы и истории) обрушивается

на человека, и человек остается безо всего, как Иов. Я не думаю, что Федотов и Синявский ошибались. Они обратили внимание на оттенки смысла, на возможности смысла, которые я не заметил. Как и разные понимания таинственного призыва Христа, не совсем ясно и не совсем ловко переданного евангелистами. Православие, католицизм, протестантизм и другие религии дополняют, а не опровергают друг друга — и все они остаются ниже Христа.

Я думаю, что искусство, захваченное духовными поисками,— лучшая школа, чем катехизис. Катехизис — вещь очень не безобидная. Структура катехизиса — один из источников революционной идеологии; не буквальный смысл вероучения, но точное знание, «как надо». «Как надо» нельзя вывести из науки (наука не знает, «как надо», она всегда спрашивает). Революционная идеология — гибрид полунауки и катехизиса. Нечаев был совершенно прав, назвав свод своих правил «Катехизис революционера». И хотя «Азбука коммунизма» — другое название, но по существу — тот же катехизис.

Катехизисов много, и их война в XVII веке длилась 30 лет, истребив две трети населения Германии. Именно с этих пор выдающиеся умы отвернулись от церкви. И в современном Ливане десятки лет идет война вероисповеданий. И в Ольстере сталкиваются религиозные общины. И что-то подобное — у нас на Кавказе...

Катехизис есть отчасти путь к подлинному, подступ к тайне, а отчасти — движение в сторону от нее, подмена тайны сводом высказанных идей, профанация тайны. Высочайшее в религии всегда поэтично, не сводится к простому «да — нет». Так же, как высочайшее в поэзии, в любом искусстве — уходит в религиозные глубины. У человека, способного читать подлинники, созданное прямым, не сворачивающим в сторону духовным опытом, катехизис вызывает протест. Я не говорю, что не нужно руководство, что не нужно удерживать от ошибок на духовном пути, но сами руководства хороши, если они поэтичны и личностны, как богословие Честертона и К. С. Льюиса, как эссе Бердяева и Федотова, с личным почерком и возможностью личного читательского выбора. Слишком жесткие рамки внутренне ложны и вызывают бунт. Слишком жесткие руководства скучны. Я не имел терпения дочитать какой-нибудь катехизис до конца. Захватывала и вела за собой вера, ставшая красотой: живопись «гор и вод», образы Богоматери, возвращение блудного сына, Эль Греко и Феофан Грек, Рублев... Я два года размышлял над рублевской «Троицей» и догляделся до того, что в любой день могу вызвать этот образ изнутри. Изо всех богословских высказываний о. Павла Флоренского мне ближе всего одна фраза: «Есть Троица Рублева, следовательно есть Бог».

Я думаю, что телевидение могло бы сделать огромное дело, посвящая несколько часов в неделю великому религиозному искусству разных народов. Катехизисы разделяют, а Божья матерь Ченстоховская не спорит с Владимирской. И Катха-упанишада перекликается с книгой Иова.

Наконец, и проповедь может быть талантливой, даже гениальной. Рядом с нами живет великий проповедник, митрополит Антоний. Его «Школа молитвы», неоднократно издававшаяся в Англии, сыграла большую роль в моей жизни и в жизни многих моих друзей. Но мы не слышим Антония по телевидению. Почему? Что этому мешает? И не встает ли на пути ненависть Сальери к Моцарту? Сумело ведь телевидение, в обход патриархии, найти дорогу к о. Александру? Почему до сих пор не проложена тропа к владыке Антонию?

Возможности телевидения очень велики. Телевидение вместе с радио заходит в каждый дом. И они могут вывести нас из порочного круга застоя. Школа должна подготовить новое поколение, но где взять хорошую школу? Церковь должна вернуть народу опыт вечности, но где взять такую церковь? И учителей, и священников у нас десятки лет подбирали так, чтобы они не тревожили начальства (и при случае доносили о крамоле). Заменить их сразу некем. А в Москве, на студии телевидения, можно собрать созвездие духовных талантов. Может быть, еще кто-то вызовет ненависть темных сил, еще кого-то убьют. Но всех не перебьют.

«Ну и что ж,— спросят меня,— захватит это народную массу?» Нет, конечно. Но захватит ту ее часть, которой от массовой пошлости тошно. Позволит таким людям находить друг друга, собираться в кучки (хотя бы для того, чтобы вместе слушать и смотреть некоторые программы). Эти горстки людей со временем начнут тянуться друг к другу, переписываться. И может выйти из этого какое-то новое духовное движение. Не политическая партия (программа культуры не должна быть политически ангажированной), но духовно-нравственное движение. Каким оно будет, и как станет взаимодействовать с другими общественными силами (например, с Лигой защиты прав человека и с Обществом защиты памятников культуры и т. п.) — трудно предсказать, но такое движение возможно. И пусть оно будет количественно небольшим. Для исторического сдвига достаточно иного меньшинства. Разве много было христиан в I—II вв.? Совсем немного. Горсть христиан потянула за собой империю Нерона и Калигулы и вытянула к новой жизни.

Мне уже довелось говорить (в интервью с Маргаритой Рюриковой, опубликованном в «Литгазете» 11 июля 1990), что Апокалипсис — это не рок, не античная судьба. Это предостережение. Это значит, что необходим духовный и нравственный скачок. Сумеете сделать его — потянете за собой других, и все спасутся. Не сумеете — и все погибнут...

Если сумеем, то выход из марксистско-ленинской утопии окажется (перефразируя Ленина) шагом в духовном развитии человечества. Нужным не только нам, а всем. Потому что вода, дошедшая до горла, иногда вызывает взрыв энергии, на который не способен человек, стоящий на берегу. Запад на берегу. Но по сути все человечество в кризисе. Создав атомное оружие, оно теперь вынуждено подняться до такого духовного и нравственного уровня, при котором война невозможна. Иначе не только человечество — вся биосфера погрузится в атомную ночь.

Как найти политическое решение — дело политиков, но проблема имеет свои нравственные и духовные измерения. Недостаточно здравого смысла, нужен бесстрастный дух, освободившийся от национальных и социальных обид... Сумеем ли мы выйти на его уровень? Я ставлю вопрос реально, я не думаю, что все выйдут, но еще и еще раз: достаточно одушевленного меньшинства, чтобы потянуть всех.

В концерте культурных миров решение находит одна группа, одна культура; остальные идут вслед. В XIX веке некоторые решения — в искусстве слова — находила Россия. И не исключено, что нынешний кризис заставит и Россию XX века что-то решить.

...Входили мы в утопию с революционным энтузиазмом, а выход найдем только с новой верой, укорененной глубже, чем уровень массовых (в том числе и религиозных) страстей. С верой в духовную глубину личности. Выход из утопии — становление личности, «творческое самосознание», завещанное нам «Вехами»; личность, способная взять на себя ответственность за свое дело, за свою страну и за весь мир.

Рашель Хин-Гольдовская

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Мы плохо и потому во многом примитивно знаем свою историю. Классическая пушкинская формула о нашей «лени и нелюбопытстве» неумолимо преследует очередное поколение людей, живущих на печальной российской земле. С упорством, достойным лучшего применения, мы приспосабливаем свою историю под конъюнктуру текущего момента, препарируя одни и те же факты в угоду очередной идеологической доктрине и ее носителям. Нет смысла перечислять примеры.

Полузнание и полуправда гораздо более страшные вещи, нежели очевидное невежество и очевидная ложь. Последние заведомо примитивны и легко опознаваемы. Первые дают иллюзию правдоподобия, позволяют манипулировать информацией. Поэтому очень важно как можно чаще публиковать исторические свидетельства очевидцев происходящего. До сих пор в советских (уж не говоря о зарубежных) архивах лежат невостребованными тысячи документальных источников. Не востребованы они по разным причинам. Одна из основных — гриф «спецхран». Другая — наши «лень и нелюбопытство».

Предлагаемая публикация — дневники забытой ныне писательницы конца XIX — начала XX века Рашели Мироновны Хин-Гольдовской (1863—1928). Она вела записи на протяжении 27 лет — с 1891 по 1917-й год.*

Мною выбраны отрывки из дневника с июля 1914 года, с момента начала Первой мировой войны по ноябрь 1915-го, то есть времени, резко обозначившего кризис государственной системы царской России. Никаких специальных комментариев, кроме пояснения некоторых реалий, документ не требует. Хотелось бы обратить внимание читателя на некоторые параллели, связывающие то переломное для России время с сегодняшним днем. Параллели очевидны и пугающе похожи. Наш долг сейчас, глядя в трагическое зеркало времени, преодолеть ту роковую предначертанность пути, по которому Россия с неумолимой обреченностью двигалась из века в век.

1914 год

Среда, 16 июля

Австрия объявила войну Сербии. Вчера еще казалось, что гроза миновала. Сербия дала очень миролюбивый ответ на неслыханную по наглости «вербальную» ноту Австрии. <...> Заваривается такая каша, которую далекие потомки наши будут расхлебывать. Европейская война! Да ведь это возврат варварства, неисчислимые бедствия, банкротство культуры! <...>

Четверг, 17 июля

Объявлена мобилизация. Австрийцы с сербами уже дерутся. В Москве и Петербурге уже начались эти пошлейшие «патриотические» манифестации (как в японскую войну). И вот подите ж! Ведь все знают, что это горланит сброд, самые низкие городские подонки... А между тем серьезные люди делают вид, что это неудержимый «взрыв» народного энтузиазма. Мир полон комедиантов, авгуров и просто жуликов.

* В шестом выпуске сборника «Встречи с прошлым» (М., 1990) опубликованы отрывки из дневников Р. М. Хин-Гольдовской с 1895 по 1905 год.

Суббота, 19 июля

Вчера были в городе. Москва точно вымерла. На лицах встречных растерянность и ужас, который одни еле скрывают под маской напряженной сдержанности, а другие, кто попроще, выкладывают напрямик. Мы заезжали в несколько магазинов — были у Мюра, у Прохорова, у Феррейна, в Химической лаборатории. Приказчики бледны, у продавщиц заплаканные глаза. Все говорили с нами о войне с нескрываемым возмущением простых людей, которые почувствовали себя и своих кровных на краю пропасти. У Мюра вчера взяли 300 служащих. В три часа на всех углах Москвы появились синие плакаты с извещением, что призываются ратники ополчения. Ужас панический. У газетчиков рвут газеты. Читают с жадностью, точно хотят вычитать не то, что напечатано, а то, что хочется, чтобы было, то есть, что войны не будет.

...Девятый час утра. Германия объявила нам войну.

Понедельник, 21 июля

Во всех газетах царит тон патриотически торжественный. «Речь», все время предостерегавшая от ужасов всемирной бойни, закрыта по приказу Главнокомандующего. Манифест лаконический. Обещаний никаких, а только клич к верноподданным: «да будут забыты внутренние распри!» <...> Если прежде война имела какой-нибудь смысл героический, то теперь это только состязание техники, и никогда еще люди не были в такой мере пушечным мясом.

Четверг, 7 августа

<...> Сегодня друзья упрекали меня за то, что я могу грустить и чувствовать себя несчастной в такое великое историческое время, когда все человечество вышло на борьбу за свободу. А я возражала: как ужасно, что в XX веке, через 125 лет после французской революции, когда все школьники в учебниках могут читать о «правах человека и гражданина», когда люди одолели воздух, воду и пространство, стоит захотеть какому-нибудь Гогенцоллерну, Габсбургу, Романову,— эти же люди, умные, ученые и даже гениальные — сразу превращаются в убийц, самоубийц и палачей! Никакие шакалы и тигры не истребляют друг друга с такой слепой злобой, как человек человека... И ведь подумать только, что если бы эти миллионы людей, которые по приказу, в мгновенье ока, бросили свои семьи, свои занятия, все дела жизни, если бы эти люди не послушались — войны бы не было!..

Понедельник, 11 августа

<...> Конечно, все наполнено войной. Никто больше ни о чем не говорит. Все очень серьезны. Никакого бахвальства. Улицы тихие. <...> Горемыкин сказал Львову, что война будет затяжная, может быть, год! Что надо рассчитывать не менее, чем на миллион раненых (то есть на 400 000 убитых!). Земскому Союзу будет отпущено от казны сто миллионов... Одним словом, горе, несчастье, море крови... Человечество вступает в хаос.

Москва, суббота, 23 августа

<...> В Восточной Пруссии нас, по-видимому, сильно поколотили. Погиб генерал Самсонов*. Так как официальных сообщений об этом нет, то передают разные ужасы. Одно верно: бойня затяжная, и трудно

* А. В. Самсонов (1859—1914) — главнокомандующий 2-й армией. В результате предательских действий Ренненкампфа армия Самсонова потерпела поражение в районе вилленбергских лесов. Некоторые части вышли из окружения. А. В. Самсонов застрелился.

предвидеть, когда и чем она завершится. Жизнь замерла. Все газеты полны только войной. Читают (и я тоже) только газеты. Голова ничего другого не воспринимает. В смысле помощи раненым общество ведет себя прекрасно, Москва покрыта лазаретами. По части «внутренних реформ» самая крупная, что Петербург переименован в Петроград. Глупо и возмутительно «ничтоже сумняшеся» взять и вышвырнуть из обращения имя целой исторической эпохи, имя, освященное Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым. Вероятно, за этой последуют и дальнейшие, столь же важные реформы — например, переименование придворных чинов. Зато остальные «киты» русской государственности пребывают в целости и нерушимости. «Историческое» заседание Государственной Думы прошло, как балетный апофеоз. Все расшаркивались и низко кланялись перед министерской ложей... Депутатская серенада доверия правительству! Пуришкевич ни разу не обругал «высокое собрание» черным словом, не грозил Фридману «свиным ухом», а, наоборот, призывал всех сынов России к единению...

Четверг, 28 августа

<...> Толстой и Обнинский уезжают корреспондентами в армию. Толстой едет от «Русских ведомостей» и разных провинциальных газет (он, как местная знаменитость, засыпан «авансами»)... *

Четверг, 4 сентября

Раненых в Москву возят без конца. Вчера было открытие нашего лазарета № 553. Капля в море. Лазарет наш чистенький, новенький и только для нижних чинов. Все делалось, насколько возможно, собственными средствами. Дамы наши и девицы сами красили столы, табуретки; каждый вносил, что мог. Мужчины наши очень услужливы и изобретательны. <...>

Понедельник, 29 сентября

Все газеты лгут; одни приличнее, другие пошло и бесстыдно, как «Русское слово»...

Воскресенье, 9 ноября

Вся наша «деятельность» и возня с ранеными, это капля воды, пролитая на раскаленный морской песок.

Воскресенье, 16 ноября

...Вчера у нас обедал только что вернувшийся с фронта Толстой. Он пробыл на войне (в Галиции) два месяца и видел все, кроме штыкового боя **. Говорят, что эта война — солдатская. Вождей, блестящих «генералов» вообще, парадных «героев» — нет. Это объясняют самим характером окопной войны. Один офицер говорил Толстому: «Окоп, это незасыпанная братская могила... лежим мы все тут вместе... что я ему (солдату) буду приказывать, когда мы оба — трупы!» Дух в войсках бодрый. Никто не сомневается, что в конце концов победим мы...

Вторник, 16 декабря

После оттепели внезапно наступили холода. Снегу нет. Пронизывающий ветер и сухой мороз. Вся Москва кашляет. Вот в такой бы мороз посадить бы в окопы всех царей, королей, президентов, министров... вплоть до панславистов и пангерманистов. На недельку не мешало бы посадить туда и нашего земского президента князя Г. Е. Львова, чтобы он не писал статей в «ростопчинском» стиле. А впрочем, и это бы не помогло. Человечество — большое баранье стадо, которое ловкие гуртовщики всегда будут гнать на убой...

В военных госпиталях творится что-то невообразимое. Не хватает ни мест, ни врачей, ни медикаментов. Кидают в одну кучу сифилитиков, раненых, тифозных. Доктора в отчаянии.

Среда, 31 декабря

Прибыл из Львова В. А. Маклаков *. Рассказывает, что дела наши плохи, что австрийцы совсем не разбиты на голову, как ежедневно врут наши газеты. Наоборот! Нас чуть не выгнали из Львова, а от Перемышля отогнали очень далеко... Снарядов у нас мало... (Господи! Какой ужас!) Брусилов говорил Маклакову, что у него два начальства: великий князь и австрийцы. Великий князь сказал, что до 15 января Брусилов может отдыхать, а австрийцы «еще ничего не сказали»...

1915 год

Воскресенье, 1 февраля

Вчера отправились мы на «Поэзо-вечер» Игоря Северянина. О нем столько говорят! Любопытно было посмотреть и послушать этого нового кумира. Среди кучи его порнографических «поэз» есть несколько талантливых стихов. Впечатление от вечера осталось отвратительное. Уныло-циническая «поэза» кафе-шантана с претензиями на «новое слово»... Ни искры остроумия и заразительной веселости французских «cabareto». Тоскливая простоволосая «муза» собственной ресторации под вывеской «На все наплевать»...

Наконец, появился «сам». Не поклонившись публике, он прислонился к стене и с саркастической улыбкой обвел глазами залу. В черном, длиннейшем, наглухо застегнутом сюртуке, горло до ушей завернуто в черный галстук, под самым подбородком торчат два языка белого воротничка — как носили дедушки. Все нарочито. Изможденная, серо-желтая физиономия провинциального jenne premier, все изведавшего, во всем разочарованного и презирающего «толпу». «Поэзы» свои Игорь поет каким-то гнусавым, цыганским речитативом. Напев для всех вещей один; меняется, смотря по размеру стиха, только темп цыганского речитатива. Этот Игорь несомненно талантлив; в книжках его порнографических «поэз» попадаются недурные стихи, но именно эти стихи совсем не оригинальны. А «толпу», надо отдать ему справедливость, он презирает не напрасно. Аудитория Политехнического музея была битком набита. Тут были гимназисты, гимназистки, студенты, курсистки, дамы всех возрастов и разрядов, мужчины всех «классов» до убеленных сединой старцев. И все это неистово аплодировало, кричало «бис!», «браво!». «Просим»: «Ананасы в шампанском!!!». Кумир стоял неподвижно и, когда крики перешли в вопли, сделал величественный жест рукой. <...> Если бы иностранец попал на подобное «представление», он никогда бы не поверил, что у нас война, что сотни тысяч людей гибнут на бесконечных фронтах, что судьба России поставлена на карту.

Пятница, 20 февраля

Читаю 5-й том чеховских писем. Некоторые письма прямо волнуют, столько в них ума, глубины и даже доброты. Общей доброты, о которой столько кричат многочисленные «посмертные» чеховские друзья, в нем не чувствуется. Он был отличный родственник, сын, брат... он очень гуманен, но... это не открытое сердце большого человеколюбца. Таким

---

* В конце августа 1914 года А. Н. Толстой в качестве корреспондента «Русских ведомостей» выехал на фронт. Его сообщения печатались в «Русских ведомостях» и затем составили книгу «На войне».

В. П. Обнинский (1867—1916), юрист, общественный деятель, один из руководителей кадетской партии, издатель. Его корреспонденции с фронта также публиковались в «Русских ведомостях». В марте 1916 года покончил с собой.

** Впечатления Толстого нашли отражение в его военных очерках «От Москвы до Томашева», «От Львова до Карпат».

* В. А. Маклаков (1869—1957), адвокат, ученик Ф. Плевако; член ЦК кадетской партии, депутат II—IV Государственных дум от Москвы. В июле 1917 года — посол Временного правительства в Париже.

был Владимир Соловьев, таким был Тургенев. А Чехов слишком большой пессимист, чтобы любить людей. Он даже когда хлопочет, рекомендует, устраивает, про себя посмеивается и презирает своего протеже. Но, во всех отношениях, не только как самый крупный писатель среди своих современников, Чехов человек выдающийся, благородный, сильный ум... В нем, как в Тургеневе, особенно интересно сочетание русского с европейцем самой высокой культуры. Но в Тургеневе это явление было не так удивительно. Барин, человек сороковых годов, один из самых образованных людей своего времени, великолепно владевший четырьмя иностранными языками, редкостного личного обаяния, Иван Сергеевич был не только желанный гость у корифеев европейской мысли, но был «свой» у Жорж Санд, и у Флобера, и у Гонкуров. Другое дело Чехов. Бедняк, провинциал, разночинец, он только по божественному праву ума и своего необычайного художественного таланта мог проявить исключительный аристократизм своей личности.

Понедельник, 23 февраля

Письмо из Парижа от Макса Волошина. И стихи. Письмо умное. Стихи интересные и, конечно, на «предмет» войны. Два стихотворения прямо хороши, хотя, по обыкновению, вычурны. Остальные громоздки и неуклюжи.

Суббота, 30 мая

...Эта срамота продолжалась целый день и целую ночь 28-го и весь следующий день. Перебиты и разграблены все магазины с иностранными фамилиями в разных частях города: Циндель, Мандль, Жирардов, Топет, Лингарт, фотограф императорских театров — Фишер... У Циммермана и Оффенбахера летели как щепки из окон рояли, тысячные скрипки, пюпитры. В Петровских линиях разнесли и смешали с грязью прелестный книжный магазин Гросман и Кнебель, уничтожены драгоценные издания, пущен по ветру труд многих поколений. К вечеру 28-го вспыхнули пожары и начались вторжения в частные квартиры и аптекарские магазины Феррейна, Келлера, Арманса, которые снабжали Москву и все наши лазареты медицинским товаром. На фабрике Шрадера убили владельцев, утопили дочь... Ужас! Отвращение! Стыдно себя самого, стыдно близким в глаза глядеть... И вплоть до вчерашнего дня, то есть больше суток, наши городские власти кн. Юсупов, градоначальник Адрианов, и «кадетский» депутат, городской голова, г. Челноков, даже не шелохнулись и предоставили городским подонкам и жуликам на поток и разграбление Москву, сердце России, первопрестольную столицу! Хоть бы союзников постыдились. Поразительно, что русские погромы происходят всегда под сенью царских портретов. «Национальные» флаги, портрет и погром. Символическая троица... *

Воскресенье, 31 мая, 8 час. вечера

В больницы привозят груды трупов, из которых частью жертвы погромщиков, а большинство сами погромщики, перебившие друг друга или перепившиеся насмерть...

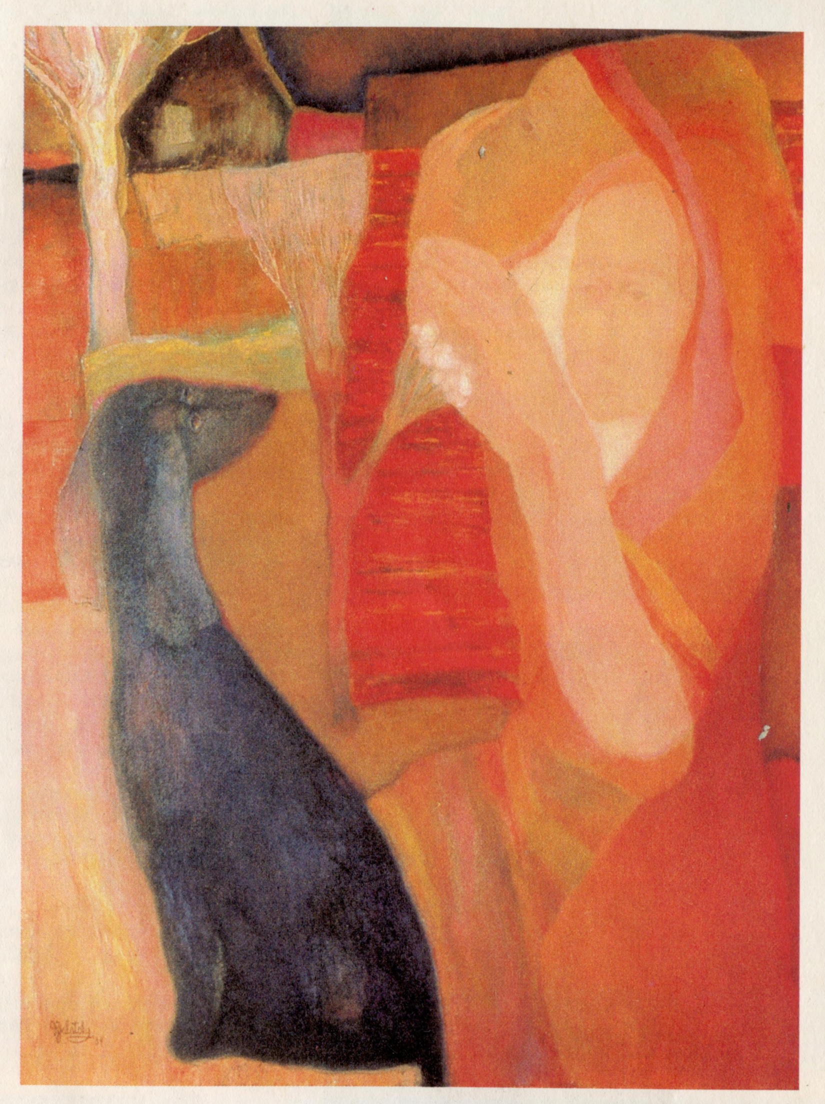
Ужасные вещи о царящем у нас хаосе, воровстве и растерянности рассказывают все кочующие между тылом и фронтом уполномоченные — Балавенский, В. А. Маклаков и другие. В России нет государственных людей и нет мужественных людей.

Четверг, 4 июня

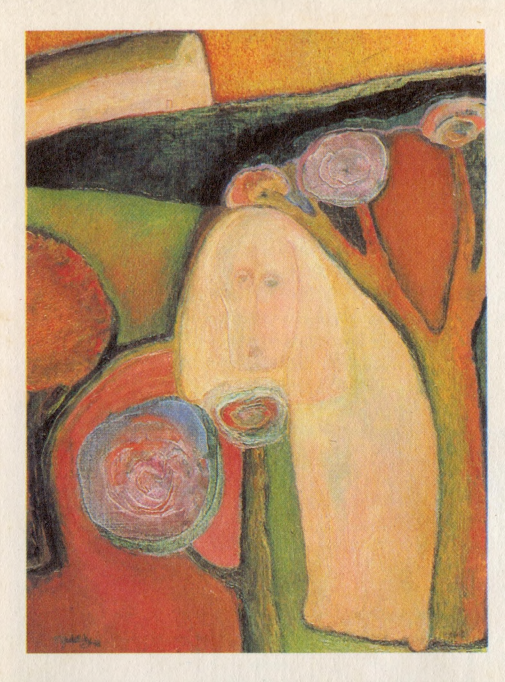
Рассказывают, что на чрезвычайном заседании нашей замечательной Московской думы даже Ник. Гучков обмолвился при князе Юсу-

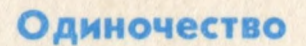
* Погром, учиненный в Москве, связан с крупным поражением русской армии во время второго наступления в Галиции в мае 1915 года.

ВЛАДИМИР ГАЛАЦКИЙ

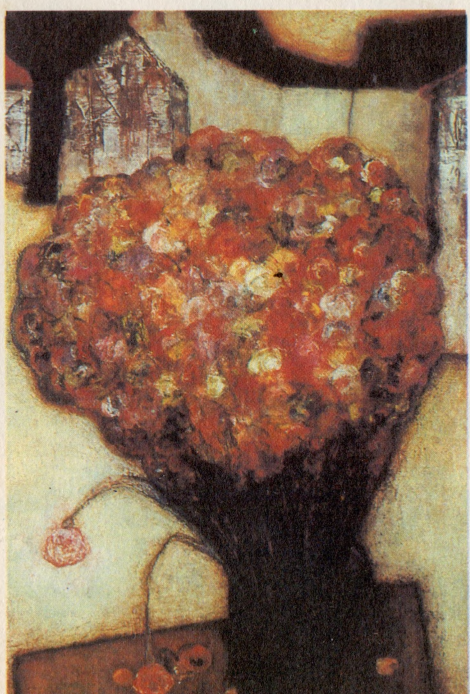

Прощение

Одиночество

Осенний дар

лове крылатым словом: — ни для кого не секрет, что сегодняшний погром устроен администрацией... Погром уже дал осязательные результаты: 50 000 рабочих остались без работы и 800 млн. убытка. (Так говорят купцы.)

Среда, 17 июня

Была в Москве. Настроение в обществе пасмурное. Очень тяжелое впечатление произвел доклад Ал. Ив. Гучкова в Земском Союзе о нашем военном положении *. О нем все говорят. Картина действительно мрачная. Снарядов нет и раньше 4—6 месяцев не будет. Таким образом весь год войны идет насмарку! С пленными, ранеными и убитыми мы потеряли три миллиона человек! Государь находится в состоянии «сомнамбулизма» — и что может вывести его из этого состояния, неизвестно. Начальника артиллерии, Великого князя Сергея Михайловича окружает банда проходимцев. 14 000 солдат сидели без винтовок и ждали винтовок с убитых! Гучков говорил, что у нас не только на ногах каторжные цепи, а что на нас самих сидит «шайка каторжников», которая управляет Россией.

Воскресенье, 21 июня

...Не понимаю, как можно теперь писать повести на современные военные сюжеты. А вот маленький Ал. Толстой упражняется! Тянет в «Русских ведомостях» романтическую канитель: муж заботится о раненых, жена — сестра милосердия, герой жены (конечно, «князь» — титулованный герой всегда «эффектнее») убит на войне: чуть-чуть не «Анна Каренина» в трех фельетонах и «наизнанку» **.

Как не стыдно! Уж если нельзя без «строчек», то ведь можно эти самые «строчки» нанизывать из обывательской дряни... А доить войну — грех...

Пятница, 25 сентября

Наступают холода. Москва без дров, без угля, без молока, без сахара... У мясных лавок, у булочных, у молочных дежурит, дожидаясь очереди, длинный хвост... Сахару совсем нет... Перевезти вагон дров со станции стоит 100 и 120 рублей. А отцы города и «мужи совета» все заседают и совещаются... Масса беженцев, особенно поляков, совсем заполонили нашу Москву.

Четверг, 19 ноября

...После этой войны вся жизнь и в России и в Европе выльется в совершенно новые формы. Эта война завершает целый исторический период... со взятия Бастилии. Настает новая историческая эра, в которой даже люди 30—35-летнего возраста могут уже оказаться людьми не своего времени. Они ведь все же дети XIX века, с романтическими мечтаниями, с культом человеческой личности, а у нас еще с тоской и мечтой по граду «Китежу»... Трудно будет это сочетать с «классовой» борьбой, с фанатической верой в непогрешимость новых катехизисов. Детям «скептического» века предстоит немало испытаний. В скептицизме много прелести, но это прелесть яда, который в маленьких дозах живее гонит кровь, а в слишком больших убивает...

Предисловие и публикация Елены ЛИТВИН

---

* А. И. Гучков (1862—1936) — во время войны уполномоченный Красного Креста. Занимался снабжением армии. В мае 1915 года на I съезде военно-промышленных комитетов избран председателем; член Особого совещания по обороне. В первом составе Временного правительства занимал должность министра по военным и морским делам.

** В «Русских ведомостях» были напечатаны рассказы Толстого «На горе», «Анна Зисерман», «Шарлота», «Буря».

2 Зак. 1789

Александр Путко

ОТ СОЦПРОФА — К «СОЛИДАРНОСТИ»!

Колонна авторефрижераторов высилась над пестрым стадом легковушек. Десять громадных машин, груженых продовольствием. Консервы, сгущенка в банках, пакеты с мукой и сахаром, коробки вермишели... Всего 120 тонн. Собраны в разных городах Литвы для бастующих шахтеров Кузбасса.

В Москве колонну встретили представители рабочих организаций. Секретарю Конфедерации труда Илье Шаблинскому было не до меня.

— Груз пойдет в Новокузнецк,— объяснял он на ходу.— Как повезем дальше, не знаю. Нужны три самолета ИЛ-76. Нам их не дают, хотя мы готовы оплатить. Деньги выделил СОЦПРОФ. Вот вы, пресса, и помогите — передайте нашу просьбу всем транспортным организациям. Пусть проявят солидарность...

Солидарность. Для меня это слово обрело реальный смысл в 80-м году. Оно донеслось к нам из Польши, пережившей до этого расстрел демонстрации рабочих Гданьска, а затем, после неудачной попытки повышения цен на продукты, и волнение, охватившее всю страну. Наши газеты сообщали об этом туманно в коротких заметках, набираемых мелким шрифтом где-нибудь в углу третьей полосы. В них говорилось что-то невнятное о «кучке заговорщиков», об «экстремистах» и «политических спекулянтах», о «деструктивных силах» и «подстрекателях». Но мы-то уже давно были приучены партийной пропагандой воспринимать все наоборот. И понимали, что сочувствовать надо тем, кого поносят. Чем мощнее рокотали в эфире глушилки, тем настойчивее ловили мы передачи зарубежных станций. И узнавали правду о рабочем движении, вселявшем надежду на перемены. В несуразном, постылом здании реального социализма появилась первая трещина.

Волнения в Польше то утихали, то вспыхивали с новой силой. Летом 1980 года произошел новый взрыв. Судостроители Гданьска объявили забастовку. Митинги и забастовки прокатились и по другим городам. Выступления рабочих приобретали все больше политическую окраску. Стачкомом Гданьска руководили Лех Валенса, Анджей Гвязда, Богдан Лис, Анджей Колодзей. Выдвигались новые лидеры: Мазовецкий, Геремек, Веловейский. В августе забастовки достигли высшего накала.

Правительство пошло на уступки и подписало соглашение с рабочей делегацией. Но это уже не могло спасти Герека от падения. В сентябре был создан Учредительный комитет независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность», а спустя месяц собрался первый съезд «Солидарности», на котором председателем избрали Леха Валенсу.

Растерявшаяся партократия вскоре, однако, пришла в себя и обратилась за помощью к генералитету. Бывший первый секретарь ЦК ПОРП Мечислав Раковский так описывает эти события: «Партия в ту пору не была готова согласиться с существованием независимых профсоюзов. Еще в ноябре 1980 года на совещании первых секретарей воеводских комитетов ПОРП партийные боссы местного масштаба топали ногами и истерически кричали, что не отдадут власть и что следует наказать тех, кто хочет найти общий язык с «Солидарностью».

Знакомые сюжеты, не правда ли? Но продолжим наш рассказ о дальнейших событиях. В ночь с 12 на 13 декабря 1981 года в Польше объявляется военное положение. Лех Валенса интернирован. Правительственные газеты с нескрываемым торжеством сообщают о победе над «левыми экстремистами». Но победа эта оказалась поистине пирровой, ибо военное положение не могло решить политических проблем.

Исторический процесс объективен и неодолим. Эта азбучная истина марксизма-ленинизма почему-то всегда игнорируется теми, кто именуют себя самыми верными и последовательными учениками великих классиков. То ли по невежеству, то ли по своему прирожденному цинизму наши высокопоставленные партийные чиновники опираются на верное, а потому всесильное учение только тогда, когда это оправдывает их действия. Впрочем, за многие десятилетия своего правления они настропалились подводить марксистско-ленинскую теоретическую базу под любое свое решение, будь это вооруженное вторжение в соседнюю страну, разгон демонстрации или введение нового налога.

Но мы отвлеклись от дальнейших событий в Польше, а они известны: под давлением трудящихся состоялся «круглый стол», на котором партократия и военные пошли на демократизацию. «Солидарность» была легализована, а затем одержала убедительную победу на выборах в парламент. В декабре 1990 года Лех Валенса всенародным голосованием был избран на пост президента. Поляки сбросили ярмо партократии.

Сегодня невольно задаешься вопросом: не движемся ли мы по пути, проложенному польской «Солидарностью»? Слишком много общего даже в деталях. Во всяком случае, с теми памятными событиями лета 1980 года.

Грянуло и у нас повышение цен, что вызвало естественную волну недовольства. В крупнейших городах страны прошли митинги и демонстрации. Начались забастовки шахтеров. К ним присоединились некоторые предприятия других отраслей. В марте забастовки охватили все угольные районы от Сахалина до Карпат. Остановились шахты Караганды, Кузбасса, Магадана, Донбасса, впервые забастовали коллективы Подмосковного угольного бассейна. Требования шахтеров все больше приобретали политическую окраску, пока наконец не прозвучали призывы к отставке президента, роспуску Съезда народных депутатов СССР и передаче власти Совету федерации.

Бездарная администрация не нашла ничего лучше, чем действовать окриками и угрозами. 12 марта в Кемеровский облисполком поступила телефонограмма из Министерства угольной промышленности:

1) Оформить иск о признании забастовок незаконными.
2) Бастующие шахты перевести на аккредитивные формы оплаты.
3) Оформить иск за нанесенный экономический ущерб от проведенных забастовок.
4) Оформить материалы в суд на подстрекателей и организаторов.
5) Руководителей бастующих предприятий заслушать на коллегии Минуглепрома.

Это, разумеется, только подлило масла в огонь. Остановились те шахты, которые пока еще продолжали работать. Министр явно не владел положением. А когда-то всесильные партийные руководители лишь призывали друг друга «вылезать из окопов», не имея, однако,

ни малейшего представления о своих дальнейших действиях. По указаниям союзного руководства местные власти пытались всячески пакостить бастующим шахтерам. В центрах стачек отключались телефоны и телеграф, раздавались угрозы прекратить подачу электроэнергии в рабочие поселки. Против активистов и стачкомов возбуждались судебные иски. Районы забастовок блокировались, чтобы помешать доставке туда продовольствия и товаров повседневного спроса. В Кузбассе демонстративно проводились военные учения. Партийные чиновники пытались организовывать контрмитинги. Всюду распространялась ложь о том, что шахтеры хотят улучшить свою жизнь за счет других трудящихся. Таким образом провоцировалась волна недовольства забастовками. Выступивший по Центральному телевидению премьер-министр Валентин Павлов взывал к благоразумию шахтеров. Дескать, всем сейчас трудно, но другие ведь не бастуют. Покажите мне хотя бы одно такое место, где люди у нас живут хорошо? — вопрошал он, прекрасно зная, что место такое есть. И находится оно на Старой площади в Москве.

В шахтерских поселках тем временем выстраивались очереди к пустым прилавкам. А детей в школах заставляли писать диктанты о том, как плохо поступают их отцы, которые хотят довести страну до полной разрухи...

Представители шахтеров собрались в Москве. Они настойчиво требовали встречи с президентом. 17—18 марта состоялось совещание полномочных представителей шахтерских коллективов страны. На нем был образован Межрегиональный координационный Совет рабочих (стачечных) комитетов, в который вошли по одному полномочному представителю от каждого региона. Вскоре состоялась пресс-конференция. Ее провели Межрегиональный Совет стачкомов, Независимый профсоюз горняков и Конфедерация свободных профсоюзов России. Выступавшие были единодушны: начав с экономических требований, мы полностью переходим к требованиям политическим — отставка президента, роспуск Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР, отставка правительства и передача власти Совету федерации.

На съезде прозвучали сообщения о том, что шахтеры в своей борьбе не одиноки. Их поддерживают коллективы многих предприятий. Одним из первых в их поддержку выступил Союз рабочих Литвы. О солидарности с бастующими заявила Социалистическая партия рабочих Испании. Из американских профсоюзных объединений поступили сообщения о том, что они, в частности, начнут добиваться прекращения экспорта советского угля до тех пор, пока не будут удовлетворены требования горняков. Заявления о солидарности поступили также из Франции и Бразилии. Похоже, что брошенный Марксом клич о единении пролетариев всех стран наконец возымел действие.

К концу марта в СССР бастовало более двухсот шахт. В телевизионной программе «Время» звучали все те же слова: «деструктивные силы», «подстрекатели», «экстремисты». Комментаторы, партийные функционеры и народные депутаты из числа «послушных» невнятно рассуждали о том, что, с одной стороны, шахтеров, конечно, можно понять, их экономические требования справедливы (о политических — ни слова!), но с другой стороны, сейчас не время бастовать. Нужно объединить усилия, чтобы под руководством все той же КПСС преодолеть кризис.

Одному из лидеров шахтеров Кузбасса Анатолию Малыхину дали возможность выступить в Верховном Совете СССР. Рослый, широкоплечий, с упрямо сдвинутыми бровями и высоким лбом, поднялся он на трибуну. Это был девятый день его голодовки протеста против произвола властей и бесправного положения трудящихся. Вместе с Анатолием в голодовке принимали участие его товарищи Б. Ерофеев, В. Кузин, В. Любимкин, В. Белов, С. Янин и депутат Верховного Совета РСФСР Б. Денисенко. 20 марта в поддержку бастующих шахтеров объявили голодовку народные депутаты СССР и Армении Т. Гдлян и Н. Иванов.

Голодовка давала себя знать. Черты лица Анатолия Малыхина заметно обострились, голос сел. Нужно было собраться, не проявить слабости, выстоять. Он сумел. Произнес речь с главной трибуны страны. А затем его могли видеть и слышать миллионы телезрителей. Он повторил политические требования шахтеров и заявил, что бороться они будут до победы.

Депутаты встретили выступление Анатолия Малыхина, как теперь принято говорить, неоднозначно. Одни возмущались, другие (совсем немногие) поддерживали, третьи пытались уговорить шахтеров прекратить забастовку.

Я спросил Анатолия, что он думает о выступлениях депутатов?

— Они говорят: «Хватит болтать, начинайте работать». Именно это я бы посоветовал им самим. Не сомневаюсь, все кончится новыми уговорами и обещаниями. А мы обещаниями сыты по горло. Нужна жесткая конструктивная программа с конкретными мерами и точными сроками их выполнения. Нужна настоящая политическая реформа. И прежде всего, пусть партия уйдет с командных высот. Она завела нас в эту трясину, а теперь уверяет, что никто кроме нее не способен спасти общество. И главное, все время твердит, что она — партия рабочего класса, что выражает она наши интересы. А сама с чего начала перестройку? С повышения окладов своим функционерам! Мало им было всяких льгот, о которых простые люди даже представления не имеют. А я вам так скажу: никто нам столько вреда не принес, как эти борцы за счастье народное. И врут, врут, врут на каждом шагу. Чего они нам только ни обещали: и коммунизм к восьмидесятому году, и полную гласность, и продовольственную программу. А кто клятвенно заверял: «Прежде чем будем изменять цены, обязательно посоветуемся с народом»? Посоветовались? Шиш с маслом!

И о нашем рабочем движении врут. Особенно по телевидению кравченковскому. Только и слышим: «Шахтеры думают о своих интересах, подводят металлургов». И все наши требования сводят к заработкам. Ну, с Кравченко все ясно — он сам партбюрократ. У него спецпаек, спецполиклиника, черный лимузин. Куплен он с потрохами. Но дикторы, журналисты! Есть ли у них хоть капля совести? Ведь знают, что врут, и при этом не краснеют. Обучают ли их специально, или подбирают самых бессовестных? Как они потом по улицам ходят? Как в глаза своим детям смотрят? Ведь народ их всех в лицо знает, позорище-то какое!..

И вот еще что я хочу сказать. Некоторые депутаты в своих выступлениях намекали, что какие-то политические лидеры используют наше шахтерское движение в борьбе за власть. Не трудно догадаться, на кого они намекают. Так я скажу, чтобы не было кривотолков: не пытайтесь отколоть нас от демократического движения и не очерняйте в наших глазах Бориса Николаевича Ельцина. Мы верим ему, а не вам. И поддерживаем его, а не вашу политику.

Анатолий Малыхин сказал в заключение, что на их шахте партком был ликвидирован год назад. И представьте себе, усмехнулся

он,— ничего страшного не произошло. Только дармоедов стало меньше.

Если проследить весь путь рабочего движения в нашей стране от расстрела демонстрации в Новочеркасске до сего дня, может и впрямь показаться: все происходило, как у поляков. Ну разве что во времени растянулось на гораздо большие сроки. И масштабы у нас покрупнее.

Так-то оно так, но исторические параллели всегда уязвимы. И, обращаясь к ним, следует учитывать не только сходство, но и различия сопоставляемых явлений. А они есть. И весьма существенные. Взять, к примеру, такую особенность: шахтерские забастовки в СССР проходят на фоне жестоких межнациональных войн, которые расшатывают тоталитарный режим и в то же время разобщают рабочих разных национальностей. Или другое различие: нашим рабочим приходится бороться с внутренней реакцией, в то время как польская «Солидарность» испытывала давление еще и со стороны братского Советского Союза. Вот как Мечислав Раковский описал реакцию Москвы на события в Польше летом 1980 года: «Брежнев уже тогда советовал ввести военное положение. При этом, по его мнению, польским властям следовало бы «обнаружить» один-два склада с оружием, что свидетельствовало бы о контрреволюционном характере «Солидарности» и дало бы возможность выдвинуть против нее обвинение в подготовке вооруженного свержения строя. Как заявил Брежнев, подобная тактика была успешно применена в ходе чехословацких событий 1968 года...» «Массовые политические волнения и образование «Солидарности» явились для советского руководства большой неожиданностью,— пишет далее М. Раковский,— и были восприняты с крайним неудовольствием. В Москве не могли согласиться с тем, что в условиях социализма создан независимый и самоуправляемый профсоюз, который воспринимался, как попытка бунта против правящей партии. Для контроля за ситуацией в Польше и ее анализа в Москве был создан антикризисный штаб, который среди советских руководителей получил название «Польский клуб». В него входили Суслов, Андропов, Громыко, Устинов, Русаков и Горбачев». Автор мемуаров рассказывает и о скоплении советских танков у польской границы, и о рекомендациях Брежнева принять любые меры для отрыва рабочего класса от «Солидарности» путем дискредитации ее лидеров.

Но самое главное различие определяется исторической судьбой наших народов. Роковой день социалистического выбора в России наступил гораздо раньше, чем в Польше. За время, прошедшее с тех пор, в СССР выросло и состарилось целое поколение, изначально приспособленное к атмосфере тоталитарного строя. Его потомки наследовали эту приспособленность генетически. Они уже не мыслили себя в иных условиях. С раннего детства им внушалось, что советский строй самый гуманный и справедливый, самый мудрый строй на свете, что рабочий класс — самый передовой и сознательный. Он сплочен и верен революционным традициям, а потому и является ведущей силой нашего общества.

На самом же деле рабочий класс усиленно перемешивался с другими социальными слоями. Уничтожались его традиции, деформировалось его сознание. Почему? Сейчас я осмелюсь произнести страшную крамолу: руководители партии рабочего класса с первых дней своей власти больше всего боялись... рабочего класса. Им было чего бояться. Тому есть серьезные документальные подтверждения.

ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ III СЪЕЗДУ СОВЕТОВ. ПЕТРОГРАД. 1918 ГОД

25 октября 1917 года большевистская партия в союзе с партией левых эсеров, и опираясь на вооруженных солдат и матросов, свергла Временное правительство и захватила власть в свои руки. Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего ведома и участия, совершенный накануне II Съезда Советов, которому предстояло сказать свое слово по вопросу о власти. Более того, рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя правительством рабочих и крестьян, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. За нее была пролита кровь наших сыновей и братьев. Мы терпеливо переносили нужду и голод Нашим именем расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала, как на своих врагов. И мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав во имя надежды на данные ею обещания. Но прошло уже 4 месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными. Новая власть называет себя Советской, рабочей и крестьянской, а на деле важнейшие вопросы государственной жизни решаются помимо Советов. ВЦИК вовсе не собирается или собирается затем, чтобы безмолвно одобрить шаги, самодержавно предпринятые без него народными комиссарами. Советы, не согласные с политикой правительства, бесцеремонно разгоняются вооруженной силой. И всюду голос рабочих и крестьян подавляется голосом делегатов, якобы представляющих 10-миллионную армию, дезорганизованную большевистской политикой, существующую только на бумаге, частью демобилизованную, частью самовольно обнажившую фронт и разбежавшуюся по домам. На деле всякая попытка рабочих выразить свою волю в Советах путем перевыборов пресекается. И не раз уже петроградские рабочие слышали из уст представителей новой власти угрозы пулеметами, испытали расстрелы своих собраний и манифестаций.

Нам обещали хлеб, а на деле дали небывалый голод. Нам дали Гражданскую войну опустошившую страну и вконец разоряющую ее хозяйство. Под видом социализма нам дали окончательное разрушение промышленности и расстройство финансов... Профессиональные союзы разрушены. Заводские комитеты не могут нас защищать. Городская Дума разогнана. Кооперативам ставят помехи. Нам обещали свободу, а что мы видим на деле! Где свобода слова, собраний, союзов, печати, мирных манифестаций! Все растоптано полицейскими каблуками, все раздавлено вооруженной рукой. Мы дошли до позора бессудных расстрелов, до кровавого ужаса смертных казней, совершаемых людьми, которые являются одновременно и доносчиками, и сыщиками, и провокаторами, и следователями, и обвинителями, и судьями, и палачами...

Рабочий класс, видевший и понимавший все это, красным диктаторам был не нужен. И потому подлежал срочной замене. Ученым еще предстоит детально разобраться в этой чудовищной социальной политике коммунистов. Мы же приведем лишь некоторые факты.

В 1920 году переписью в России было учтено 1,7 миллиона рабочих, то есть в два с лишним раза меньше, чем до Первой мировой войны. Но вскоре численность работников промышленности стала быстро расти: на предприятия и стройки хлынули жители села. Одни бежали от голода из разоренных деревень, других направляли в порядке мобилизации. Сплошь малограмотные, эти люди не были носителями рабочих профессий и пролетарского сознания. По данным Наркомтруда на 1 апреля 1924 года в стране насчитывалось 5,5 миллиона рабочих, а к концу 1925 года — 7 миллионов. За прошедшие после этого три пятилетки число рабочих выросло в пять раз!

Пополнялся рабочий класс и за счет других мигрантов — детей интеллигентов и «лишенцев». Им все труднее становилось поступать в институты и техникумы. Предпочтение отдавалось рабочим, а вернее деклассированным крестьянам, составлявшим большую часть рабочей молодежи. Но вот ведь коварство жизни! Дети этих новоиспеченных интеллигентов через несколько лет при поступлении в учебные заведения сталкивались с тем же препятствием: они уже считались выходцами, увы, не из рабочих семей. А порядок классового отбора сохранялся многие десятилетия.

Тем временем исправно действовали такие мощные социальные смесители, как армия и ГУЛАГ. Известно, например, что к концу 1947 года в лагерях содержалось 1108057 человек (более поздние данные не публиковались, несмотря на всю нашу «гласность»). Инжене-

ры, врачи, полководцы, балерины, поэты, учителя там, за колючей проволокой, мгновенно превращались в даровую рабочую силу. А сколько военнослужащих и по сей день заменяют рабочих на прорывных участках нашей вечно буксующей экономики? Про это вам никакие огарковы и моисеевы не скажут из соображений нашей с вами безопасности.

Так в условиях развитого социализма формировался ведущий рабочий класс. Топтанный-перетоптанный, мешанный-перемешанный, поставляющий сегодня самый высокий процент преступников и алкоголиков.

Польские рабочие за более короткий срок пребывания в условиях тоталитарного режима столь тяжких потерь не понесли. Они все же отчасти сохранили свои социальные связи и классовое самосознание. Они были способны критически оценивать обстановку в стране и оказывать сопротивление произволу. Поэтому в борьбе за свои права судостроители Гданьска оказались более сплоченными и организованными. Созданный ими независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность» очень быстро превратился в мощную всепольскую политическую силу, реально противостоящую обанкротившейся ПОРП.

Слабость и разобщенность нашего рабочего класса, его последовательная люмпенизация на протяжении многих десятилетий очевидно сказались и на независимом профсоюзном движении в СССР. Оно хоть и существует, даже набирает силу, но еще не может слиться в единое мощное движение, вовлекающее в свою сферу всех противников тоталитарного режима. Независимые профсоюзы горняков, СОЦПРОФ, Конфедерация труда делают только первые шаги к объединению.

Очевидно в наших условиях борьба пойдет несколько иным путем: ведущей силой скорее всего станет новая политическая партия, создаваемая на базе «Демократической России». Она поведет за собой и независимые профсоюзы. Такое объединение здоровых сил общества могло бы стать серьезной альтернативой партии коммунистов, способной существовать лишь при полном отсутствии конкурентов.

Но я, кажется, размечтался. А пока идет жесткое противостояние. И в то время, когда писались эти строки, в гостинице «Россия» лидеры бастующих шахтеров продолжали голодовку. А на площади у подъезда стояли пикетчики с плакатами: «Мы поддерживаем требования горняков!» На счет фонда помощи бастующим непрерывно поступают деньги, собранные на предприятиях, в учебных заведениях, на улицах. А в Новокузнецк прибыли продукты — те самые, из Литвы. На призыв Независимых профсоюзов горняков и представителей Конфедерации труда откликнулись рабочие и служащие станции Люберцы-товарная. Они предоставили четыре вагона под груз солидарности. В телевизионной программе «Время» об этом, разумеется, не сообщили. Слишком не вязалось это с комментариями о враждебном отношении литовских националистов к русским, с невзоровскими фильмами ужасов про «наших» и «не наших». Не вязалось это и с рассказами о недовольстве трудящихся действиями шахтеров. Телекомментатор, находящийся на государственной службе, с рвением отрабатывал свой хлеб. И какое дело ему было до того, что думают и говорят о нем в эту минуту миллионы зрителей? А может быть, он и в самом деле не понимал всей гнусности своего положения, всей безнравственности своего поступка?

Время все расставит по своим местам и каждому воздаст по его заслугам. И, судя по всему, произойдет это скоро. Демократия обязательно победит, как победила она в Польше. Стране, сбросившей иго партократии, потребовался всего год, чтобы выйти из кризиса. Сегодня в польских магазинах полно товаров и продуктов по доступным ценам. Ожила сфера обслуживания, на подъеме духовная жизнь общества. Конечно, в стране еще очень много нерешенных проблем, но главное, и это вам скажет каждый поляк, жизнь становится все лучше и лучше. Особенно это заметно по лицам. Мы еще помним их мрачными и устало равнодушными. Сегодня они приветливы и улыбчивы. Лица людей, отстоявших свободу и знающих ей цену.

В Гданьске установлен памятник рабочим, погибшим во время расстрела демонстрации в 1970 году. Три якоря, переходящие в кресты. И надпись: «Мы отдали жизнь, чтобы ты мог жить достойно». Они уже начинают жить достойно.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Александр Кишкин

НЕРАСПАХАННОЕ ПОЛЕ

Пришлось как-то услышать такую историю. Один японский миллионер, разбогатевший на использовании идей талантливых, но обойденных вниманием на родине русских предприимчивых людей, встречался с советским журналистом. Вынув чековую книжку, он обозначил в ней сумму в два миллиона долларов и спросил, кому персонально он может вручить вознаграждение за первопричину своего столь удачного бизнеса. Журналист растерялся и никакого конкретного адреса назвать не смог. Дефицитные доллары повисли в воздухе...

У автора этих строк хранится интереснейший документ, скопированный почти полвека назад у вдовы известного всем старым москвичам Александра Васильевича Чичкина. Говорят, что кто-то из сотрудников его знаменитой до революции молочной фирмы окрестил этот документ «манифестом русских бизнесменов», кто-то другой просто назвал его «посланием потомкам». Вот он.

«Мир не раз уже имел честь убедиться, каким мощным многоцветьем талантов обладает русская нация. Но есть у нас, к сожалению, совсем нераспаханное поле деятельности, где не только талантов, но и ростков-то их — раз, два и обчелся. Не думая, не выращивая, не лелея их, мы ставим под удар все свои национальные сокровища, все, чем донельзя богата Россия.

Больно и грустно смотреть, будучи русским, на круглогодовое пиршество европейских коров, на ухоженные до блеска поля и пастбища, чистые домики и образцовые дороги Дании, Голландии, Франции, еще тяжелее сознавать, что мы, русские, не имеем всего этого лишь только потому, что совершенно не умеем работать. Мы либо лежим, либо бежим! Либо на скаку, либо на боку. Золотой середины нет! Ритма нет! Зато равнодушия, упования на «авось», обломовщины, любителей потешаться, зубоскалить и подставлять ножку всем, кто умеет и хочет работать,— хоть отбавляй. Помешать работать всегда легче, чем помочь, и большинство наших чиновников занимаются именно этим.

Истинно культурные русские люди не падки до власти, и в этом трагедия не только их самих, но и России в целом. Устремленные вперед, они, как правило, беспечно оголяют себя с трех сторон и чаще всего именно из-за этого терпят крах, не достигая цели. Прикрыть и защитить их тыл и фланги в момент их наивысшего творческого подъема и рывка к своей мечте — вот в чем вижу я отныне подлинное призвание русских деловых людей, истинных патриотов своего Отечества!

Ни о чем так не соскучился наш затырканный до предела, добрый и отзывчивый по натуре русский человек, как о простой человеческой ласке и внимании к себе, оттого и ценит он все это баснословно дорого, и расплачивается, как правило, за это с неслыханными процентами. Грех не использовать эту его щедрость истосковавшейся по ласке души в интересах любого полезного дела, будь то свое, общее, чужое — безразлично, лишь бы только каждое из них сулило в какой-то степени славу России.

Легче всего, конечно, защищать рубашку у тела, труднее общее дело, но можно и нужно, если того требуют обстоятельства, встать горой и прикрыть собой и совершенно чужое для тебя до поры, до времени дело, если окрыленный этой поддержкой человек талантлив и стоит того, чтобы помочь ему беспрепятственно мчаться вперед. В последнем, наиболее щекотливом и деликатном случае мало быть только гражданином и патриотом своего отечества, помимо всего прочего для этого надо обладать наблюдательностью и мастерством артиллериста, а не пехотинца, собранностью и спокойствием капитана, а не матроса, мудростью полководца, а не горячностью влюбленного в свое детище гения.

Иностранцам этого не понять. Это сугубо наша национальная черта возможных будущих взаимоотношений русских деловых людей, при которых разделение труда напрашивается само собой. Родившись в русском сарафане, мы обязаны сохранить в себе самих себя, впитать в себя все лучшие черты своего народа: широкую натуру, многогранность и размах его деяний, смекалку и бесстрашие в предприятиях, терпеливость, точный расчет и умение идти на риск там, где это требуется не ради удальства и неумного лихачества.»

Начав дело с небольшой молочной лавки отца, В. П. Чичкина, продававшего в Москве сыр и масло фирмы «Братья В. и Н. Бландовы», с помощью архильготного кредита, предоставленного ему этой фирмой, А. В. Чичкин очень скоро изменил профиль своей деятельности, оборудовав на Петровке, 17, первую в Москве городскую молочную. До этого молоко, сметану, творог москвичи покупали на базарах и у молочниц, содержавших тогда в самой Москве более семи тысяч коров. Деловитость, продуманность, чистота и культура во всем, гарантия качества молока, поступавшего к Чичкину исключительно от крупных хозяйств, обеспечили ему не только всеобщее уважение покупателей, но и колоссальный коммерческий успех. Это подтолкнуло и братьев Бландовых последовать его примеру и заняться снабжением москвичей молоком. Началась конкуренция, о которой распространялось много сплетен, правда, в основном, изгнанными Чичкиным за нечестность и переметнувшимися к Бландовым продавцами. И тогда Александр Васильевич решает строить первый в России городской молочный завод.

Преданнейший помощник Чичкина, профессор А. А. Попов, отправляется в Европу. Он посетил три лучшие молочные Мюнхена, городские молочные Цюриха, не обнаружил таковых в Париже, снял планы трех (в том числе королевской) молочных Лондона, изучил опыт молочных заводов в Берлине и Стокгольме. Поступление молока на каждый из них не превышало в то время более 10—30 тонн в сутки.

Построенный в 1910 году в Москве по проекту А. А. Попова завод завидно отличался от всех молочных заведений Европы не только технической оснащенностью, чистотой, обилием света и продуманностью компоновки цехов, исключавшей применение молочных насосов, но и мощностью, перерабатывая 100—150 тонн молока в сутки. Небезынтересно отметить, что закрытие старой молочной на Петровке, пуск и освоение проектной мощности нового завода на Ново-Рязанской улице были осуществлены в течение одного дня — так, что москвичи даже не заметили этого, заходя в молочные магазины фирмы. За это автору проекта и руководителю строительства А. А. Попову в тот же день была вручена премия в размере 5000 рублей. Таков был чеканный стиль работы сотрудников молочной фирмы «А. В. Чичкин».

К началу Первой мировой войны фирма достигла зенита своей славы. Более 700 ее основных поставщиков (25 тысяч коров) обеспечили москвичей более, чем 2 миллионами 800 тысячами ведер высококачественного молока и почти 86 тысячами пудов отличных сливок. Помимо завода в Москве, фирма имела 22 сметанно-творожных филиала в Рязанской губернии, 3 — в Московской, по одному во Владимирской и Тверской. Маслом и сыром фирма обеспечивалась с собственных заводов в Херсонской, Бессарабской, Костромской и Ярославской губерниях. 91 московский молочный магазин, облицованный снаружи белой плиткой, с надписью «А. В. Чичкин» обслуживали масса ломовых извозчиков, 36 грузовых и 7 легковых автомобилей. Фирма имела 7 молочных магазинов и городской молочный завод в Одессе, 5 магазинов в Тифлисе, 3 в Харькове, 2 в Баку и 2 в Ростове-на-Дону, магазины в Киеве, Ялте, Алуште, Вологде, Екатеринославе и Ташкенте, маслосырозакупочные пункты в Сибири. В штате фирмы числилось более 3 тысяч сотрудников, треть из которых работала в Москве. В их распоряжении были, помимо общежитий, бесплатная столовая, прачечная, лазарет на 15 коек с тремя врачами и обслуживающим персоналом. Основной капитал фирмы на 1 июля 1917 года оценивался в 10 миллионов, ежедневный доход составлял 100—150 тысяч рублей.

Уроженец села Коприно Ярославской губернии, сын волжского лоцмана, один из первых шоферов Москвы и первых летчиков России, питомец Петровской сельскохозяйственной академии, три года стажировавшийся в институте Пастера в Париже, любимейший ученик К. А. Тимирязева, друг академика В. Р. Вильямса, крупнейший предприниматель-миллионер, трижды сидевший в тюрьме за оказание помощи большевикам, консультант наркома пищевой промышленности А. И. Микояна, персональный пенсионер Советской власти, похороненный на Новодевичьем кладбище, А. В. Чичкин не оставил ни одной статьи, никаких воспоминаний, дневников и писем. Чем-то похожая на тезисы к выступлению запись А. В. Чичкина, с выдержки из которой мы начали рассказ о нем, была сделана, как это нами сейчас твердо установлено, в день гражданской панихиды по основоположнику нашего отечественного молочного дела Николаю Васильевичу Верещагину, состоявшейся в мае 1907 года в Московском обществе сельского хозяйства.

Почему же неизбежные в этот день раздумья о жизни и смерти Н. В. Верещагина заставили взяться за перо его последователя? Вернемся к тексту документа.

«С легкой руки декабристов Россия в XIX веке заявила о себе блестящим фейерверком талантов, начиненных огнями всех муз, кроме одной— музы практицизма и разумной хозяйственной деятельности. Находясь в положении бедной, загнанной в угол Золушки, она не подарила нам пока что ни одного гения, равнозначного по силе влияния на моло-

дежь гению Пушкина, Белинского и Гоголя. Николай Верещагин мог бы стать одним из них: но нет у нас, пока что, к сожалению, тех крыльев, которые подняли бы таких людей на уровень всеобщего почета и уважения, уже отвоеванного у истории нашими поэтами, писателями, композиторами и художниками. В Канаде и Франции установлены памятники мастерам сыроделия, в Дании — корове, на центральной площади Копенгагена, над страной сказок — бочонок сливочного масла! У нас это вызывает лишь ироническую улыбку. А жаль! Любой памятник — это прежде всего застывший в бронзе, в граните, в мраморе дух народного гения, поклоняясь и равняясь на который народ продолжает движение вперед. Почти полное отсутствие у нас памятников основоположникам той или иной отрасли промышленности, книг о них, культа уважения и равнения на них среди молодежи, не делает чести России... Деловитость не груша, она с ветки сама не падает. Ее надо воспитывать с пеленок, о ней надо твердить в школах, департаментах, министерствах, везде и всюду, ежедневно и ежечасно, растить ее во всех без исключения делах наших, радостно отмечать малейшие проявления и ростки ее, где бы они ни появлялись, и не жалея сил тянуть их вверх, туда, где слово и дело, сливаясь воедино, звучат без фальши, как симфония до блеска отрегулированного трудового ритма.»

Николай Васильевич Верещагин не был философом, но он исповедовал истину, которую не грех понять и нашим запутавшимся в «измах» кабинетным ученым. Любое общество, какой бы «изм» ни болтался у него на хвосте, способно процветать лишь при наличии трех несущих его вперед «лихих лошадок»: инициативности и предприимчивости, во-первых, деловитости, во-вторых, при наличии коренника под колокольчиком, то есть компетентности и любви к избранной профессии, в-третьих.

Не будет этих трех верещагинских лошадок— экипаж любого общества может, конечно, катиться, но только под горку, вниз, а вверх, в гору, его тащить некому. Государство в силу своей громоздкости, тяжеловесности управлять этой тройкой не может. Н. В. Верещагин достиг блестящих результатов при воссоздании сыроделия на Кавказе, маслоделия в Сибири, явившись отцом молочной кооперации в России. Его прямой восприемник А. В. Чичкин пошел дальше.

Еще на заре своей деятельности он детальнейшим образом разработал систему моральных и материальных поощрений сотрудников его фирмы с учетом возрастных и психологических нюансов, на полвека обогнав тем самым японцев, усиленно занятых этой проблемой в наши дни. Его система была основана на гарантии жизненной перспективы для каждого его сотрудника с момента поступления на работу и до глубокой старости — вручении каждому горящего «огонька», манящего вперед. «Огоньки» эти менялись в зависимости от возраста, и было их у Чичкина пять.

Первому из них (этапу ориентации на молочное дело), рассчитанному на мальчишек 8—13 лет, а затем юношей до 20 лет, он придавал исключительно важное значение, не жалея ни средств, ни личного времени. На втором этапе (энтузиазма) сотрудники его фирмы до 25 лет испытывались на инициативность и личную предприимчивость, на умение работать ритмично, продуманно и деловито. На третьем этапе (честолюбия и тщеславия) сотрудники фирмы до 30 лет бились за честь занять место в соответствии со своими способностями и талантом. На четвертом (спокойного ритма) — до 40 лет — они работали в обстановке уже завоеванных льгот под негласным девизом Чичкина: «Приручив, береги!» И, наконец, на пятом этапе (финишном) люди в возрасте от 40

до 60 лет и старше работали у него под стимулом исключительного внимания и уважения к ним как со стороны администрации, так и со стороны молодых сотрудников.

Известно, что японцы нанимаются на работу, как правило, раз на всю жизнь. Примерно так было и у Чичкина. Сотрудников его объединяла уверенность в том, что «тебя заметят без тебя». Твое дело — только честно и добросовестно работать. Надбавка к жалованью, повышение в должности будут сделаны без твоих унизительных просьб и намеков.

Принятая у японских предпринимателей система стимуляторов производительности труда работников в зависимости от возраста, включает в себя не пять, а десять этапов. При этом особое внимание уделяется шестому этапу — началу «синдрома сорокалетних». Именно с этого возраста и до 45 лет человек начинает испытывать беспокойство, затем, до 50 лет — озабоченность, к 55 годам охлаждение к работе, к 60 годам — отвращение к профессии, а потом следует десятый этап — полного забвения.

Почему японцы обеспокоены именно «синдромом сорокалетних»? Да потому, что человека после сорока уже ничему учить не надо, с него надо только брать, «стричь купоны», но его покидают положительные эмоции молодости — им нужна замена. И предприниматели усиленно ищут источники положительных эмоций для своих умельцев-ветеранов. Вопрос об убытках и потерях, которые несет общество из-за психологического надлома тружеников всех рангов и профессий на финишной прямой их трудовой деятельности, стоит того, чтобы задуматься над ним и в нашей стране. Нельзя уходить от этой проблемы и по другой причине: молодежь прямолинейна и наблюдательна, она бежит с тех предприятий, где не видит уважения к ветеранам и к патриотам своей профессии: к чему гореть на работе, отдавать всего себя любимому делу, если в конечном итоге тебя ждет судьба выброшенного на «заслуженный отдых» выжатого лимона?

А. В. Чичкин постоянно думал об этом и блестяще использовал своих ветеранов для подзарядки профессиональным патриотизмом молодых сотрудников. «В чем специфические особенности пожилого человека? — писал соратник Чичкина В. М. Славянов.— Это, во-первых, сильно повышенная реакция на внимание, ласку и уважение к его знаниям, опыту, питающие его жизненный тонус на финише жизни. Незаслуженное оскорбление, грубость некомпетентного начальника, насмешка над всем, что им было сделано хорошего в жизни, травмирует его, уносят последние силы жизни так же, как уносит их кровь, текущая из открытой раны». Александр Васильевич это понимал и берег свою «старую гвардию» не хуже Наполеона. Но и использовал очень продуманно и избирательно, памятуя о том, что опыт опыту — рознь, что «опыт и мудрость» человека, добившегося успеха в жизни путем собственного унижения, выпрашивания себе чинов и наград, для воспитания молодых сотрудников непригоден. Человек, ползавший до поры до времени на коленях, а затем вдруг вставший с властью имущими рядом, ничему хорошему научить молодежь не может, и Чичкин, как только мог, берег свои юные кадры от влияния таких «воспитателей».

Система подготовки кадров на его фирме просуществовала с 1888 года вплоть до революции и полностью оправдала себя. Замороженная раз и навсегда зарплата невыгодна хозяину, она лишает его сотрудника желания работать лучше, не имея «света в конце тоннеля». Человек должен иметь перед собой зеленый свет перспективного продвижения вперед на пути всей своей жизни. А. В. Чичкин был, кажется, единственным на Руси предпринимателем, который полностью использовал

этот принцип. Уловив главное в его системе, японцы довели ее до совершенства, и остается только пожалеть, что, родившись у нас, в России, эта система почти никому не известна.

Начиная с первого этапа, когда мальчишки его родного села Коприно приобщались к молочной профессии, получая от фирмы «А. В. Чичкин» рождественские и пасхальные подарки за отличную учебу, затем, после пяти лет работы — 50 рублей наградных и право на двухнедельный отпуск, после десяти лет работы — 100 рублей наградных и доплату за выслугу лет, постепенно, «с огоньком впереди» он создавал товарищество профессионалов и патриотов своей фирмы, «синдрома сорокалетних» они не испытывали.

Неоднократно помогая большевикам, подвергаясь за это преследованиям, Чичкин имел собственное представление о будущем России. «Если вы желаете построить социализм, выбирайте страну, которую не жалко!» — эти слова Бисмарка он не отбрасывал прочь как злопыхательские. Исповедуя свою философию, он был твердо уверен, что любое общество не может обойтись без «верещагинских лошадок». Компетентность, деловитость, инициативность — основа благоденствия любой страны.

Откроем последнюю страницу «послания потомкам» А. В. Чичкина.

«Верю и надеюсь, что не за горами то время, когда рядом с гигантами нашей литературы и искусства, художниками-передвижниками, богатырями «могучей кучки» станут во весь свой рост новые атланты России, которые поднимут на своих могучих плечах на мировую высоту целый ряд совершенно новых отраслей нашей отечественной промышленности.

Больше чем уверен, что рано или поздно, если не сейчас, то через двадцать, тридцать лет, но появятся же, наконец, и у нас памятники основоположникам отечественной промышленности, в том числе и Николаю Верещагину — отцу и основоположнику молочного дела России, с золотой надписью на его гранитном пьедестале: «Поэты — поэтами, но ведь и бочкою масла, и головкою сыра, и бутылкою чистого, вкусного молока, которую мы дарим детям, можно в равной степени славить Отечество, служить благу и расцвету родной земли!»

Вся жизнь и деятельность Александра Васильевича Чичкина во имя процветания России — это подвиг, это история, это наука, это практика, это образец русской деловитости, это то, чему нам сегодня предстоит учиться от мала до велика.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«НАМ ВСЕ ПОЗВОЛЕНО...»

Образованная в декабре 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), по мысли ее создателей, должна была в первую очередь бороться «за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия». В обращении ВЧК к населению Москвы от 3 апреля 1918 года были, например, такие слова: «Население должно знать, что во Всероссийской чрезвычайной комиссии оно встретит самую живую отзывчивость по каждому делу, где попрана справедливость...»

Опубликованные воспоминания Мельгунова, переписка Короленко с Луначарским, множество других документальных свидетельств дают нам ныне более углубленное представление о том, как на деле ВЧК осуществляла «справедливость», как ограждала людей от «произвола и насилия».

Публикуемая подборка документов, на наш взгляд, проливает дополнительный свет на формы и методы работы этой организации.

Первые два материала были помещены в еженедельном органе Политотдела Особого корпуса войск ВУЧК. Первый номер этой газеты под названием «Красный меч» вышел в свет в Киеве 18 августа 1919 года. Возможно, на этом издание и завершилось: через 12 дней Красная Армия оставила Киев. Передовая статья написана, по-видимому, главным редактором еженедельника; известен псевдоним его — Лев Красный (сама передовица не подписана) и должность: заведующий агитационно-пропагандистским подотделом политотдела Особого корпуса войск ВУЧК. Автор второй заметки — Мартын Янович Лацис (Ян Фридрихович Судрабс) (1888—1938) был в 1919 году председателем Всеукраинской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Пять остальных документов из архива Чернухского районного отделения НКВД УССР (Полтавская область) оказались после Второй мировой войны в США, в архиве Гуверовского института. Они уже дважды публиковались. Приводим их текст по книге С. С. Дукельского «ЧК на Украине», переизданной в США в 1989 году (первое издание — 1923 год).

Поясним некоторые устаревшие или специфические сокращения: ПП — полномочное представительство ОГПУ СССР (функционировали в 1923—1934 гг.) или полномочный представитель; РР — районный резидент, ответственный секретный сотрудник ОГПУ — НКВД; КР — контрреволюционер(ы); Учосо — учетно-осведомительное отделение; Окр. отд. ОГПУ — окружной отдел ОГПУ; КРО Окр. отд.— контрразведывательное отделение окружного отделения ОГПУ; ОИК — окружной исполнительный комитет; ФО — финансовый отдел; ЭКО — экономический отдел ОГПУ.

«Красный меч». Орган Политотдела Особого Корпуса войск ВЧК. 18 августа 1919 г.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ — ЧАСОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ ОСОБЫЙ КОРПУС — ЕЕ КРАСНЫЙ МЕЧ

ЧеКа

Когда слабые, нервные растерянно бледнеют, жмутся в углы, колеблются и не решаются, мы, сохранившие мощность духа, умеющие гореть в гневе и сознавать, что меч борющегося должен быть пламенен и тверд в руках Часового Революции, мы неуклонно вершим свое грозное и святое дело, дело борьбы с контрреволюцией.

В борьбе, ведущейся не на жизнь, а на смерть, не может быть полумер и половинчатости.

Чрезвычайные обстоятельства чрезвычайного революционного времени требуют чрезвычайных мер борьбы.

Меч революции опускается тяжко и сокрушительно.

Рука, которой вверен этот меч, твердо и уверенно погружает отточенный клинок в тысячеголовую гидру контрреволюции.

Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не вырастали новые: у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и распорота жадная пасть, вспорота жирная утроба.

У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей, внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска.

Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации «низших классов».

Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия.

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех.

Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды.

Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира.

Ибо только полная, бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем и никак не можем кончить раз и навсегда.

Вот почему мы так решительны и дерзновенны в наших методах борьбы.

Все войны, которые велись до сих пор, это были войны насильников за утверждение своего насилия.

Война, которую мы ведем, это священная война восставших, униженных и оскорбленных, поднявших меч против своих угнетателей.

Может ли кто-либо посметь нас, вооруженных таким Святым Мечом, упрекать в том, почему мы боремся и как мы боремся?

ПУСТЬ НЕ ДРОГНЕТ РУКА!

Кто оспаривает Советскую власть?
— Буржуазия.
Кто против нее точит кинжал?
— Буржуазия.
Кто думает задушить ее костлявой рукой голода?
— Буржуазия.
Кто разрушает наш транспорт, кто разрушает пути, кто устраивает крушения?
— Буржуазия.
Кто препятствует подвозу продовольствия и оружия нашей Красной Армии, кто лишает этим ее боеспособности, кто желает обречь ее на смерть и мучения?
— Буржуазия.
Кто мешает подвозу продовольствия городам, кто сжигает продовольственные склады, кто обрекает рабочих города на голодную смерть?
— Буржуазия.
Так где же рабочий, где крестьянин и красноармеец?
Чего они смотрят?
Чего они ждут?
Чего они не бьют своего векового смертельного врага — буржуазию?
Нет, они начеку. Они отвечают на удар ударом.
Для этой борьбы они создали Чрезвычайную Комиссию и дали ей право расстреливать каждого белогвардейца, каждого контрреволюционера.
Пусть не дрогнет ее рука, уничтожая контрреволюционера!
Пусть будут верны и стойки ее борцы, красноармейцы из Особого Корпуса войск ВУЧК.
Да здравствует Чрезвычайная Комиссия и ее Особый Корпус!

ЛАЦИС

* * *

Совершенно секретно
Шифровано, код «Интернационал»
Февраль 1924

Всем РР Лубенского округа

Чернухский район, тов. Шаревскому

В целях повсеместного упорядочения учета и надлежащего вместе с тем наблюдения за политически неблагонадежными и социально-чуждыми элементами населения ОГПУ УССР предложило Окротделам в месячный срок закончить оформление дел на поднадзорных КР с таким расчетом, чтобы этим учетом были охвачены все категории поднадзорных, согласно прилагаемой схемы.

А) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ, ОРГАНИЗАЦИИ И СОЮЗЫ
1. Все бывшие члены дореволюционных буржуазных политических партий,
2. все бывшие члены монархических союзов и организаций (черносотенцы),
3. все бывшие члены союза хлебопашцев-собственников (времен Центральной рады на Украине),
4. все бывшие дворяне и титулованные особы старой аристократии,
5. все бывшие члены молодежных организаций (бой-скаутов и т. д.),
6. все националисты всех мастей и оттенков.

Б) СОТРУДНИКИ И СЛУЖАЩИЕ АКТИВНОЙ СЛУЖБЫ ЦАРИЗМА
1. Чины быв. министерства внутренних дел: все чины охранки, жандармерии и полиции, тайные агенты охранки и полиции. Все чины пограничного корпуса жандармов и т. д.
2. Чины быв. министерства юстиции: члены окружных и губернских судов, присяжные заседатели, прокуроры всех рангов, мировые судьи и следователи, судебные исполнители, земские начальники и т. д.
3. Весь без исключения офицерский и командный состав быв. царской армии и флота.

В) СКРЫТЫЕ ВРАГИ СОВ. ВЛАСТИ
1. Весь быв. офицерский командный и рядовой состав белых движений и армий украинских петлюровских формаций, разных повстанческих отрядов и банд, которые выступали активно против Советской власти. Не исключая при этом и лиц, амнистированных Сов. властью.
2. Все те, кто находился на гражданской службе учреждений и местных управлений, белых правительств, армий украинской Центральной рады, гетманской державной варты и т. д.
3. Все служители религиозных культов: архиереи, священники, ксендзы, раввины, диаконы, церковные старосты, регенты, монахи и т. п.

4. Все быв. купцы, торговцы и т. наз. нэпманы.
5. Все быв. помещики, крупные арендаторы, зажиточные крестьяне (применявшие в прошлом наемный труд), крупные кустари и хозяева промышленных предприятий и производств.
6. Все лица, у коих кто-либо из близких и до настоящего времени находится на нелегальном положении или же продолжает вооруженную борьбу против Сов. власти в рядах антисоветских банд.
7. Все иностранцы вне зависимости от их подданства.
8. Все те, у кого имеются за границей родственники или же знакомые.
9. Все, принадлежащие к религиозным сектам и общинам (особенно иметь в виду баптистов).
10. Все ученые и специалисты старой школы, особенно те из них, у которых остается и до сего дня неясным политическое лицо.
11. Все лица, судившиеся ранее или же заподозренные в контрабанде и шпионаже и т. д.

Для успешного выполнения в срок этого важного государственного задания в помощь райрезидентам нами будут командированы на периферию социально-уполномоченные Окротдела, от которых Вы и получите все дополнительные необходимые инструкции и указания на местах. Таким уполномоченным на Сенчанский, Волчанский, Чернухский и Тарандийский районы Лубенского округа нами назначен нач. КРО нашего Окротдела ОГПУ тов. Жуков. О ходе работ информируйте нас еженедельно.

Нач. Лубенского Окр. отд. ОГПУ ДВИАНИНОВ
Нач. КРО Окр. отд. ЖУКОВ
Нач. Учосо Окр. отд. СКРИПНИК

* * *

Совершенно секретно
Правительственная почтограмма
Август 1924

Всем председателям РИКов Ровенского и Лубенского округов Чернухский район, тов. Зведре копия: фининспектору тов. Лазутину

На банкнотах Государственного банка СССР (червонцы) имеется упоминание о том, что «они обеспечиваются всем достоянием Республики», и что начало размена их на золото будет установлено соответствующим правительственным актом. Очевидно в связи с таким расчетом участились случаи вывоза контрабандным путем в Польшу и Румынию банкнотов СССР— червонцев. Как известно, выпуск упомянутых банкнотов был продиктован крайней необходимостью стабилизации нашей валюты и что никакого обмена червонцев на золото правительство в будущем делать не собирается. А дабы положить конец разным незаконным валютным спекуляциям как внутри страны, а также за границей, СНК и ВЦИК СССР постановили:

1) Изъять из обращения по всему СССР (путем конверсии) банкноты Государственного банка — червонцы.
2) Наркомфину и Госбанку СССР — прекратить выпуск банкнотов (червонцы).
3) Все червонцы, поступающие в Государственные кассы, не должны больше пускаться в денежный оборот среди населения.
4) На сумму конверсии червонцев Государственным банком уже приступлено к выпуску в обращение новых банкнотов.
5) НКФ и Госбанку СССР на основании этого постановления издать соответствующие инструкции. Упомянутое постановление публикации в прессе не подлежит.

Пред. Ровенского ОИКа ЛУЦЕНКО
Зав. Окр. ФО ТИМЧЕНКО

* * *

Секретно
Январь 1925

РР ОГПУ Чернухского района, тов. Д-ий

В Чернухах поселился и работает кассиром райисполкома Юрий Кир-Кинченко, а с ним находится и его жена Оксана Красовская. Предлагаем немедленно установить за ними особое наблюдение и информировать КРО, чем занимаются в свободное время. Главным образом, не занимаются ли они артистической дея-

тельностью в районе. Пара эта в прошлом по профессии — артисты, но за их отказ сотрудничать с ОГПУ им была запрещена артистическая деятельность вообще.

Нач. Лубенского Окр. отд. ДВИАНИНОВ
Нач. КРО ЮРКИН

* * *

Сов. секретно
Шифровано, код «Интернационал»
Июнь 1928

Всем РР ОГПУ Лубенского округа
м. Чернухи, тов. Л-ий

Как установлено, контрреволюционные организации и группировки на Украине хорошо осведомлены о том, что ОГПУ в данное время вынуждено на, так сказать, некоторую пассивность, вызванную как Новой Экономической Политикой, а также и соображениями правительства — высшего порядка.

О том, что такое положение временное, знает каждый из нас. И вот в связи с этим ОГПУ не должно упускать благоприятного момента для демаскирования наших врагов, с тем чтобы в подходящий момент нанести им сокрушительный разгром. Именно поэтому напоминаем РР о необходимости глубокого знания и правильного понимания текущего момента, дающего нам в руки такие исключительные возможности по выявлению КР среди всех слоев и прослоек населения. Особо подчеркиваем, что такой момент может больше в нашей истории не повториться. Уверены, что иллюзии наших врагов, допускающих мысль о капитуляции Сов. Власти, скоро рассеются, а веселые улыбочки на их лицах сменятся на гримасу ужаса и дикого животного страха перед лицом всепобеждающей стратегии коммунизма.

Нач. Лубенского Окр. отд. ОГПУ ДВИАНИНОВ
Упол. ПП. ОГПУ КАЗАНЦЕВ

* * *

Сов. секретно
Шифровано, код «Интернационал»
Ноябрь 1928

Всем РР ОГПУ Лубенского округа
м. Чернухи, тов. Л-ий

ОГПУ УССР раскрыта и арестована на Украине группа шпионов-филателистов, которая под ширмой собирания коллекций разных иностранных почтовых марок фактически занималась шпионской деятельностью и пересылала за границу советские почтовые марки, которые имели специально-условное значение в их искусно разработанных шифрах и кодах. Предлагаем немедленно выяснить, не имеются ли подобные «любители» и на территории ваших районов. Особенно нас интересуют те из них, которые получали из-за границы и высылали туда же почтовые марки. При выявлении таких лиц немедленно шифрованной телефонограммой уведомите Окротдел.

Нач. Лубенского Окротдела ДВИАНИНОВ
Нач. КРО ЮРКИН

Предисловие и публикация Евгения МИХАЙЛОВА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4 «ГОРИЗОНТА»:
По горизонтали: 7. Бабочка. 9. Инталия. 10. Масса. 11. Короб. 13. Лидер. 14. Координация. 15. Гарнизон. 17. Торговля. 19. Эдвин. 20. Линза. 23. Аномалия. 25. Диктатор. 28. Дипломатика. 30. Гинея. 31. Ангар. 32. Иваси. 33. Шоколад. 34. Загадка.
По вертикали: 1. Набойка. 2. Лоток. 3. Камертон. 4. Диапазон. 5. Талия. 6. Минерал. 8. Осмий. 12. Бонификация. 13. Лингвистика. 16. Родео. 18. Визит. 21. Циклоида. 22. Синтоизм. 24. Напиток. 26. Огранка. 27. Умнак. 28. Декор. 29. «Анчар».

Леонид Седов

«СОБОРНОСТЬ» ИЛИ ДУХОВНОСТЬ: КУДА ПОЙДЕМ?

Правомерно или нет, но слово «духовность» в контексте современного кризиса, охватившего Советский Союз, воспринимается почти как синоним слова «нравственность». И это понятно, ибо, если, как говорят, Бог, желая наказать человека, лишает его рассудка, то, желая наказать общество или народ, он лишает его совести. Потому и Святой Дух, покинув нашу землю, оставил ее прежде всего в состоянии бессовестности, в положении глубокой нравственной деградации, порождающей дефициты гораздо более страшные, нежели дефицит товаров — нехватку человечности, любви, доверия людей друг к другу. Можно сказать, что сгнила сама ткань повседневных человеческих отношений, и уже следствием этой главной беды выглядят остальные язвы, поразившие все сферы общественного организма,— экономику и культуру, торговлю и здравоохранение, органы правоохраны, институты социальной защиты и милосердия. Все эти язвы десятилетиями укрывались за нагромождениями умолчаний, мифологических заблуждений и откровенной лжи и лишь в свете гласности, когда общество, мобилизовав последние нравственные резервы, открыто заговорило о них, явились миру во всей своей омерзительной наготе.

Надо сказать, что далеко не все люди в нашей стране осознают ситуацию именно в терминах морального кризиса. Как показывают опросы, проведенные Всесоюзным центром по изучению общественного мнения, большинство отвечающих (около 50%) указывают такие причины, как «коррупция, пьянство, спекуляция, воровство» или «техническая отсталость», и только 16% видят корень развала в «разрушении морали». Конечно в первую очередь такой взгляд присущ людям с высшим образованием: так ответили две трети респондентов с ученой степенью, каждый пятый респондент с высшим или незаконченным высшим образованием. Однако обращает на себя внимание и тот факт, что высокий процент (одна треть) ответивших таким образом лиц — военные и работники милиции,— люди, в силу своего служебного положения постоянно сталкивающиеся с преступностью и аморальностью, то есть в той среде, где преступность и аморальность являются обстоятельством повседневной жизни. По-разному судят на этот счет и представители различных национальностей. Так, если армяне указывают на падение нравов лишь в 3% случаев, то среди прибалтов и молдаван об этом говорит каждый четвертый. Правда, тут же можно заметить совершенно разные резоны для такого суждения, поскольку для молдаван все же первой причиной остается воровство, а прибалты видят источник бед в наследии сталинизма и однопартийной системе.

Такое же разночтение одного и того же понятия мы наблюдаем в различных слоях интеллигенции. Для одних моральный распад есть следствие господства тоталитаризма. Как пишет публицист Леонид Млечин (Новое время, 1991, № 1), «тоталитарная цивилизация социалистического лагеря более всего проявила себя на поприще превращения

человеческой личности в абсолютно заменимую часть безликой государственной машины — без воли, без способности возмущаться, без умения критически мыслить». И под таким высказыванием, наверное, подписались бы и те прибалты, и те 20% читателей либерально-интеллигентской «Литературной газеты», которые также подчеркнули в своих ответах «разрушение морали». Но на разрушение морали указал и каждый четвертый подписчик «Молодой гвардии», «Нашего современника» или «Москвы» — журналов «неославянофильского», национал-патриотического и державного направления, а уж они-то подразумевают под «разрушением морали», «бездуховностью» нечто совершенно иное, в большинстве случаев — прямо противоположное. С их точки зрения, безнравственна и занимается «очернительством» освободившаяся наконец из-под крепостного идеологического гнета пресса. То, что одними воспринимается как бегство от «пуританства, насаждаемого партией» (Дж. Оруэлл), им представляется растлением молодежи и призывом к всеобщему разврату. Рок-музыку один из лидеров данного направления, писатель В. Белов, окрестил «духовным СПИДом». В их воззрениях снова поднимается во весь рост извечное противопоставление «бездуховного» Запада духовной России, столь же почвенное, сколь и беспочвенное. Даже рыночную экономику они отвергают как «безнравственную», пытаясь навязать обществу новый утопический фантом экономического устройства, в котором движущей силой были бы не интересы и выгода, а «человеколюбие» и мораль. Их не смущают все прошлые провалы создания такого экономического «перпетуум-мобиле».

Итак, снова западничество и славянофильство, духовность, понимаемая как свобода духа, и духовность, воображаемая как маниловское «слияние душ», утопическая соборность. Заколдованный круг, в котором вот уже столько веков вращается Россия. Первый подход в его современном обличьи можно проиллюстрировать словами доктора философских наук Ю. Шрейдера: «Наша основная проблема — это острая нехватка духовной свободы, без которой невозможны свободное усвоение глубинных общечеловеческих ценностей и ориентировка на эти ценности без опосредования идеологическими ценностями, традициями и социальными структурами. Несвободный человек не способен к личному нравственному выбору, но предпочитает принимать выбор, уже совершенный до него социальной, этической или религиозной общностью» (Философская и социологическая мысль, Киев, 1990, № 1). Второго рода воззрения отразил председатель российских писателей Ю. Бондарев в речи на открытии VII съезда писателей России, взывая к «объединению поколений на началах товарищества и на началах единомыслия», провозглашая «душевное сияние русской литературы» и одновременно обрушивая на перестроечную прессу и самых читаемых авторов советской и русской эмигрантской литературы гневные инвективы типа «сотня нравственных Чернобылей», «дьявольская запутанность стилей, идей, героев, нравственных доктрин» или — в адрес наконец-то начавшей писать правду прессы — «обман народа румяными посулами». В это время правду народу в фойе театра Советской Армии, где проходил съезд «их душевных сиятельств» русской литературы, обеспечивали разносчики таких духовных шедевров, как «Протоколы сионских мудрецов», «Катехизис евреев», «Международное еврейство», «Вставайте, люди русские!».

Так что понятиями «нравственность», «духовность» сегодня стремятся воспользоваться или злоупотребить все кому не лень, нисколько не заботясь о точности смысла. Невольно вспоминается анекдот о

том, как один человек объясняет другому теорию относительности. «Представь себе,— говорит он,— что ты засунул нос мне в задницу. Я могу сказать: «У меня нос в заднице»,— и ты можешь сказать: «У меня нос в заднице». Но, заметь себе, какая разница в положении!»

К сожалению, такая относительность смысловых значений в условиях, когда в упомянутом месте оказался не нос отдельно взятого господина, а вся страна в целом,— явление далеко не безобидное. Когда, оторвавшись от реальности, врут все языки — от языка денег до языка политиков, называющих убийство граждан средством обеспечения их, граждан, безопасности,— страна оказывается в состоянии Вавилонского столпотворения.

Когда-то, в пору самого тяжкого гнета сталинизма, в дни 1952 года, когда над страной навис грозный призрак надвигавшегося антисемитского шабаша, поэт Наум Коржавин написал:

Перепутано — всё.
Все слова получили сто смыслов.
Только смысл существа
остается, как прежде,
один.

И определил этот смысл:

Да! Мы в Бога не верим,
но полностью веруем в совесть,
В ту, что раньше Христа родилась
и не с нами умрет.

Жизненный путь поэта показал, что вера в совесть с неумолимой логикой ведет к вере в Бога. Уже на склоне лет, преодолев свое юношеское безбожие, Коржавин стал верующим. К сожалению, обратное движение не столь же предопределено. Сегодня мы наблюдаем, как к жизни вновь пробуждаются мрачные черно-коричневые когорты. И, в противоположность лучшему поэту шестидесятничества, они «верят» в Бога, но не веруют в совесть. И вот уже на сцене того же съезда партийный литературный чиновник Ю. Бондарев целуется со служителем культа, в который раз в нашей истории скрепляя этим лобзанием бессовестный союз православия с властью. Тем, кто слишком уповает на «возвращение подлинной духовности» через усиление роли официальных религиозных институтов, следует осмыслить этот в высшей степени символический поцелуй на фоне массовой распродажи антисемитского чтива.

Русское общество, по природе своей тяготеющее к идеологии как некому ключу к коллективному спасению, оказалось сегодня в критическом положении не просто аномии, а анакисии — утраты ценностных ориентиров и идеальных оправданий своего существования. Как показывают результаты опросов, в стране сейчас 15% граждан разделяют западнические идеалы, зачастую в опять-таки довольно характерном для России утопическом варианте; примерно столько же людей твердо отстаивают социалистические принципы и около 10% — истинно верующие всех исповеданий. Состояние остальных 60% напоминает жидкий раствор, в котором плавают беспорядочные обломки представлений и вер, соединяющиеся порой в самые причудливые сочетания. Никто не может твердо сказать, какие чудовищные гибриды могут родиться в этом океане и выползти на опустошенную сушу распадающейся империи. Во всяком случае один из таких монстров — национал-

коммунистический, под православными или же исламскими знаменами,— уже начал продвижение вглубь материка, и умильные толпы уже склоняют перед ним свои головы, не умея отличить действительное возрождение завещанных Господом принципов любви и милосердия от дешевого театра и профанации. Как некогда бурными были откат народа от религии, повальное разрушение храмов и осквернение святынь, так сегодня с таким же детским энтузиазмом народ ринулся восстанавливать храмы, приглашать служителей церкви освящать бассейны и бани, короновать победительниц конкурсов красоты на ступенях кремлевских соборов. Кто спорит, конечно, восстановление лучше разрушения. Но ведь и тут речь идет подчас о безрассудных проектах вроде восстановления на прежнем месте храма Христа Спасителя, что в нынешней ситуации полного отсутствия средств и острой нехватки жилья равносильно разрушению тысяч жилых домов.

Но главная опасность — не в этой инфантильной возне. Она в том, что церковь явно становится на путь политической борьбы и стремится вернуть религии роль государственной идеологии, какую она играла в дореволюционные времена. И вот уже подпись патриарха Алексия II становится в один ряд с подписями маршалов и генералов, депутатов — членов державно-охранительной группы «Союз» и все того же Ю. Бондарева под обращением к Президенту Горбачеву с требованием установить жесткий порядок и ввести президентское правление во всех беспокойных регионах. Теперь, когда в Прибалтике заговорило оружие, даже малым детям ясно, какую роль в общем заговоре реакционных сил сыграл этот манифест. А на горизонте уже маячит забытый лозунг «Православие, народность», сулящий новые трагические повороты событий нашей многонациональной и многоконфессиональной стране.

Что действительно необходимо нашему обществу, пережившему крах коммунистических иллюзий, так это отказ от любых идеологий, от любых систем идей, воспринимаемых членами общества как некий священный текст, следование которому ведет к коллективному спасению. На смену подростковому оптимистическому мирочувствованию, существенной чертой которого является гордое чувство принадлежности к группе, преданности и любовного служения ей, должно прийти взрослое, трагическое в своих истоках индивидуалистическое сознание, при котором человек в основном сам, а не через посредников, решает проблемы, возникающие между ним и Богом, а общество, не всем миром навалясь, строит нечто несбыточное, а живет прагматическими проблемами сегодняшнего дня, предоставив максимальную свободу действия и выбора своим членам. Пока русский человек не отрешится от сверхразвитого чувства подростковой групповой солидарности и не обретет нового состояния — не воодушевления, а подлинной духовности личной ответственности, не подменяемой классовой, партийной, патриотической или какой-либо иной «соборной» этикой,— русское общество будет до бесконечности воспроизводить структуру «самооккупации», в которой нация сама выделяет из себя господствующие мафиозные образования, осуществляющие властный и идеологический диктат над основной его частью, добровольно уступающей идеализируемой под любыми предлогами общности и свою волю, и свою совесть.

Необходима новая духовность — духовность мастера и творца, к которой взывал Пушкин, когда писал:

Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними! — Никому

Отчета не давать; себе лишь самому
Служить и угождать...
Вот счастье! Вот права!

Напрасно думать, что такое требование духовного освобождения поэт распространял только на избранных, что его устами говорила элитарная гордыня. Нет, за этими словами стоит гораздо большее. Это, если угодно, манифест того рода сознания, которое всегда отвергалось на Руси как «обывательщина», «отрыв от коллектива», «отщепенство», манифест освобождения человека какого угодно — поэтического или иного труда — от давящей власти государства и коллектива. Но, возвращаясь на уже упоминавшийся съезд писателей России, мы видим все тот же безрадостный сюжет: клянясь именем Пушкина, российские литераторы стадно вытаптывают воспетые им идеалы духовной свободы, в очередной раз подменяя их коллективистскими символами Державы, Отчизны, Народа и тому подобными. Довольно точно написано об этом в газете «Комсомольская правда» (22 декабря 1990. А. Колесников «Смена караула»): «Еще одна идея — идея чисто русская — возникала то явно, то попутно на съезде. Идея служения. Нашим писателям, кажется, всегда было необходимо кому-то служить — царю, Отечеству, народу. Без идеи своей необходимости словно бы и дело не клеилось. Подневольность одному белому листу! Нет, нет, это не для наших. За нашими — всегда миссия, всегда направление. И, к сожалению, не всегда акт высокого служения, чаще просто служение кому-то или чему-то.

Ситуация разброда еще отчасти и от выбора места службы. Где служить! В России. Кому! Народу. Народу какому! Своему. Что, есть свой и чужой народ! Цепь взаимозависимостей, и сразу раздел — на левых, правых, разноцветных. Нет, не зря сами эти слова — служба, служение — так часто рифмовались своим смыслом с Вооруженными Силами, с Центральным театром Советской Армии, предоставившим свои могучие стены для проведения съезда, с боевой социальной обстановкой, с военной прозой, а в целом с опасностью для Отечества».

У такого рода вооруженной до зубов «духовности» есть свои певцы и проповедники, среди которых прямотой взглядов выделяется литератор Карем Раш, пишущий, что армия в России во все века была средоточием духовности, нравственности и благородства, синонимом культуры. Что ж, какие только коллективные совокупности не претендовали у нас в стране на эту роль! Достаточно вспомнить, как КПСС скромно нарекла сама себя «умом, честью и совестью нашей эпохи», в результате чего каждый отдельный ее член оказался более свободным от этих качеств, чем все прочие граждане государства, не располагающие столь внушительной коллективной индульгенцией. Сегодня, когда и исторические преступления партии, и ее особенности как механизма выдвижения наверх самых циничных, нахрапистых и беззастенчивых представителей рода людского стали ясными для большинства жителей страны, и доверие к ней теплится где-то на уровне 14%, многие рядовые ее члены отказываются признавать себя виноватыми. Мол, мы работали как все и так же бедствовали как весь народ. И еще, мы-де искренне верили. Тут во всей своей красе предстает перед нами все то же коллективистское сознание. Наделенные им люди с легкостью закладывают совесть в общий банк, рассчитывая на дивиденды, пусть и малые, и незаметные подчас, такие, как причастность к власти, доступ к «закрытой» для простых смертных информации, способность

вмешиваться в судьбы людей на своих предприятиях, в учреждениях и тому подобное. Когда же этот банк рушится, они не готовы разделить с ним ответственность за плохое или даже преступное ведение дел. Так и не поднявшись до понимания, что такое личная ответственность, они кидаются на поиск новых возможностей помещения своего убогого «духовного» капитала, и тут на помощь им спешат армия и церковь (да, да, увы, церковь), представляющие не как объединения людей, могущих служить примером личного благородства и достоинства, а как некие целостности, наделенные мистическими свойствами, не зависимыми от личных качеств их отдельных членов и руководителей. Очень характерно, что и религиозные организации, и армия неизменно занимают очень высокое место на шкале доверия (соответственно 45% и 35% полного доверия), но при этом 37% населения полагают позицию высших военных руководителей консервативной, отсталой и всего лишь 5% считают священника тем «лицом, которое может выслушать и понять человека, когда у него тяжело на душе» (даже «случайного человека» называют в этом качестве 4%). И о том, что в религии человек скорее всего может найти ответ на вопросы, которые его заботят, также заявляют всего только 7% респондентов.

Стремление снова сбиться в стаю, снова обрести опору в «общем деле» и «общей силе» чрезвычайно опасно и открывает дорогу разного рода демагогам: и тем, что вздымают знамя «святой Руси», созывая народ в поход против иноплеменников, и тем, кто со скрежетом зубовным, переходящим в скрежет танков, встают на защиту армии от «очернителей» и «подрывных элементов», и, увы, тем, кто, называя себя демократами, «распаляет национальные чувства до стадии, заглушающей совесть», как об этом справедливо пишет в «Огоньке» (1991, № 3) публицист В. Кардин. Он же продолжает: «Вчерашний пламенный интернационалист однажды просыпается не менее пламенным националистом, злобно водя очами: кто здесь не коренной, не чистокровный, иноплеменный?!

Воинствующий безбожник делается не менее воинствующим идеалистом. Что уж вовсе нелепо.

Легко быть проповедником, трудно быть праведником. Усвоить мысль, на которой настаивал о. Александр Мень незадолго до гибели: и пост, и аскеза, и подвиг смирения могут стать причиной гордыни, греха, человеческого падения».

Предупреждение отца Меня прозвучало как нельзя более вовремя. Сама его мученическая смерть, позволяющая заподозрить участие в ней определенных церковных кругов из того духовенства, что некогда сменило кагебешные мундиры на священнические рясы, а также последовавшие за ней события в республиках Прибалтики показывают, что падение нашего общества в пропасть духовного одичания еще продолжается, и мы еще не достигли дна бездны, только после удара о которое и может, вероятно, начаться формирование нового человека — не раба толпы и власть имущих, а личности, наделенной достоинством, способностью самостоятельно мыслить и решать, не порывая с законами общечеловеческой морали и не препоручая свою совесть органам коллективного спасения.

Людмила Коваленко

ПЛЕННИКИ СТОЛИЧНОГО ЗАХОЛУСТЬЯ

До провинции нынче добраться легко. Садишься в голубой вагончик метро и едешь по любому радиусу до упора. Или до середины... Если вынырнешь из-под земли где-нибудь на полдороге, окажешься в крупнопанельных джунглях с безобразными элементами индустриального пейзажа: там трубы дымят, тут градирни подымаются египетскими пирамидами,— и повсюду мини-свалки каких-то металлических конструкций, картонных ящиков и деревянной тары.

Но мы едем до конечной станции, поближе к природе и Московской автомобильной кольцевой дороге. Там тоже живут наши земляки-москвичи. Там поют по утрам петухи, но напрасно было бы надеяться на них как на будильник. Петухи — не люди, они уже давно и генетически обезумели от урбанистических ритмов...

Здесь под окнами разбиты деревенские палисадники с пыльными розовыми мальвами и «золотыми шарами». Здесь на пустырях — лоскуты огородиков и добротные зеленые голубятни. По советским и церковным праздникам разливается во дворах развеселая гульба под гармошку. Да полноте, Москва ли это, столица ли, по-модному именуемая мегаполисом?

Нет, никакой ошибки — и это тоже Москва, давно потерявшая свои границы и разбухающая дальше за счет подгородных деревушек (все равно тамошние жители десятилетиями уходят в город на отхожий промысел). Это — столица, теряющая по мере удаления от центра столичные приметы: точь-в-точь такие же многоэтажки, стеклянные универсамы, безликие детсады, школы и игровые площадки я встречала в Тюмени и Старом Осколе, Ярославле и Клину, Твери и Подольске... Да только ли в архитектуре суть? Хоть небоскребами сплошь застрой наши «спальные» районы, натыкай там и тут кинотеатров и видеосалонов, пооткрывай суперсамы и бистро по западному образцу — ничего не поможет. Изо всех щелей лезет, прорастает буйно провинциальный, прямо-таки щедринский образ жизни.

...Иду по тротуару вдоль улицы, где дома как близнецы схожи меж собой, где тоскуют в асфальтово-железобетонном окружении чахлые деревца с потерявшей цвет листвой, а яркие заплатки одуванчиковых полянок своей пустынностью и какой-то неприкаянностью навевают грусть и уныние. Пусто кругом. Разве попадется навстречу тебе озабоченная женщина с тяжелыми кошелками. Да томится на детской площадке возле сломанных качелей молодая мама, пока дитя возится в нечистой песочнице... Особенно пустынно бывает здесь летним полднем, когда в московской провинции — «мертвый сезон». Взрослые на службе, пенсионеры по возможности спасаются на садовых участках, детишек вывезли за город. Подростков — и тех не видать, хоть они, пожалуй, самые свободные летом люди: в пионерлагерь уже не берут, а на работу еще не принимают. Гуляй себе, сколько влезет. Вот, видно, где-то и гуляют, подальше от опостылевших кварталов провинциально-столичного микрорайона.

Впрочем, летом еще благодать. На захламленных берегах бывших подмосковных речушек нетрудно отыскать место для теплой компа-

нии. Хочешь — врубай на полную мощность батареек магнитофон, и никто не станет по этому поводу скандалить, требуя тишины. А под ногами здесь — не безжизненный уличный асфальт, а теплая живая земля. И растут веселые желтые одуванчики, и не замечаешь, как трава, едва зазеленев, успевает в считанные дни съежиться и пожухнуть... Все равно ведь — трава. Одним словом, волюшка вольная.

Но коротко и капризно московское лето. И вот уже резкий ветер и противный холодный дождик загоняют ребят в полутемные неуютные подъезды. Набор развлечений скуден и ограничен условиями. Поговорить — только вполголоса, но безопаснее — шепотом. Упаси Бог рассмеяться громко, да еще хором — мигом по лестничной клетке разнесутся проклятия жильцов, усиленные угрозами вызвать милицию. Какой там магнитофон! Даже лирические гитарные переборы в бешенство приводят усталых и вечно раздраженных взрослых. Что же в таком случае остается? Разве покурить втихаря, оглядываясь на каждый стук двери. Или, давясь, выпить из горлышка бутылку дешевого вина — все какая-то иллюзия веселья.

Скучно, обидно, противно... Особенно когда знаешь, что совсем недалеко, в пяти-семи перегонах метро, кипит совершенно иная действительность. Бродят по улицам интуристы, привлеченные в Москву экзотикой перестройки и ароматом политического скандала. Километровые очереди терпеливо выстаивают в модную пиццерию и «Макдональдс». Выплескивается в ближние дворы и переулки развеселая арбатская тусовка. В витринах валютных «шопов» — вожделенные и, увы, недоступные шмотки. А «пикейные жилеты» с Пушкинской площади, похоже, уже давно разрешили все проблемы, поставившие в тупик правительство и Моссовет. Шумно, многолюдно, возбуждающе-беспокойно — какая непохожая, странная и увлекательная, чужая столичная жизнь!

Комплекс провинциала с юных лет мучает обитателя московской окраины. В прошлом году в одной из московских редакций я познакомилась с восходящей звездой не то рок-, не то поп-музыки — отроду звезде было лет четырнадцать. Андрей принес в престижный журнал свои новые песни — и имел успех. Если добавить, что Андрюшины таланты успели оценить на телевидении, что семья у него дружная и понимающая, а внешность — располагающая, станет ясно: такому подростку комплексовать-то вроде бы и не с чего.

Тем не менее, и Андрею присущ все тот же мучительный комплекс провинциала. «Я же обитатель северных провинций города Москвы,— заявил он мне, краснея от досады.— Поймите, я, как вырвусь сюда, в центр, ну прямо балдею от вашей жизни».

А между тем Андрей — москвич коренной, в пятом поколении. Правда, родился и вырос в одном из новостроенных районов и, по собственному его признанию, «настоящей Москвы толком не представляет».

Когда-то Анатолий Аграновский определил провинцию как понятие не столько географическое, сколько социальное и нравственное. В самом деле, повернется ли язык назвать захолустным, скажем, маленький литовский Паневежис, удаленный от центра, но славный своим всемирно знаменитым театром и поражающий общей атмосферой высокой культуры? Однако подобных примеров у нас (впрочем, Паневежис теперь тоже «не у нас») наперечет. Зато год от года крепнет тенденция «опровинциаливания» державы. Ленинградцы горько шутят, называя свой великий город столицей российских провинций. Вот

уже и Москва, с которой мигом облупилась дешевая лакировка Олимпиады-80, катастрофически быстро обретает типичные признаки захолустья. Петухи на балконах и козы в ванной — все это пастораль, чепуха в сравнении с распространяющимся дремучим невежеством, с кризисом образования и культуры, с потерей былых приоритетных позиций в науке, технике, экономике.

Проще всего, подостлав экономические выкладки, обрушиться на злокозненных начальников, что развивали производство за счет привозной рабсилы и породили ту самую «лимиту́», на которую нынче принято сваливать все грехи. Но давайте примем сей состоявшийся факт как данность и не станем пережевывать и без того истрепанную проблему.

Сделанного назад не воротишь, и подрастает в Москве уже, наверное, третье поколение в семьях тех деревенских парней и девчат, которые приехали когда-то строить первое советское метро. Их-то как, тоже в «лимиту» запишем — или теперь уже в коренные москвичи? А коли принять за точку отсчета времена Юрия Долгорукого, боюсь, все мы, нынешние москвичи, окажемся в положении лимитчиков.

Не открою никаких Америк, сказав, что проблема безудержного роста и одновременного (и закономерного!) «опровинциаливания» Москвы — всего лишь одно из следствий извечного стремления к политической, экономической и всякой иной централизации. Если в столицу свозятся из провинциальных и зарубежных городов и весей продукты и промтовары — она неминуемо превратится во всесоюзный универмаг и вселенскую барахолку. Что, собственно, и произошло. Даже сейчас, когда полки столичных магазинов напрочь опустели, приезжий покупатель своим глазам не верит и склонен подозревать москвичей в намеренном припрятывании товара именно от него, приезжего... Если в центре больше шансов еще при жизни дождаться квартиры или хотя бы комнаты,— ты оставишь родные могилы и ранешь в огромный чужой город «за жильем», потому что иного выхода практически нет. И директор завода выделит квартиру в ведомственном доме новому москвичу, потому что этот новый соглашается работать в жуткой литейке, а свой, старожил, кобенится, не хочет... Если качество столичного образования на два порядка выше периферийного, то любящие родители станут лезть вон из кожи, лишь бы оказаться поближе к московским школам и вузам. Ведь сколько ни называй провинциальные областные пединституты университетами, их престиж от этого переименования сам собой не подымется... И, наконец, в нашей многофункциональной столице сосредоточено все: и правительство, и ГУМ, и Третьяковская галерея, и рок-лаборатория, и Бамтрансстрой, и Востокавтотранс, и даже Главалмаззолото, хоть ни золота ни алмазов в округе николи не водилось.

Словом, все дороги ведут в Москву, и давно зародившиеся последствия этого центростремительного процесса наконец-то начали проявляться в полную силу, приближая гибель города как столицы, как экономического и культурного центра распадающейся супердержавы. Задыхаются инфраструктуры, ветшает жилой фонд, нищает торговля, оскудевает досуг — до качественных ли показателей, когда во главу угла ставится количество, количество и количество?

И, естественно, город все больше заполняется мигрантами, потерявшими исконные корни и не приобретшими новых. Во-первых, при подобных темпах особо-то укорениться и некогда. Во-вторых же, и почва московская перестала быть плодородной, истощенная всесоюз-

ным потребительством и внутренним хищничеством. Вы скажете, так везде? Нет, думается мне, положение Москвы куда трагичнее, чем чья-либо, и конкурировать с нею в этом смысле могут разве что «молодые» сибирские города, заселенные по оргнабору и комсомольскому призыву.

Так и живем — полуселяне, полугорожане. Маргиналы, люди без корней, а если перевести точнее — «стоящие на краю». Привыкшие к столичному бытовому комфорту и равнодушные к многовековой московской культуре. Не заботливые хозяева — но и не воспитанные гости. Временщики, чувствующие себя неуютно в «чужом монастыре» и не желающие принимать его устава, но своего-то не имеющие...

Строго говоря, в Москве уже давно нельзя жить. Но живем. Одни — потому, что в других местах еще хуже. Другие — потому, что не могут расстаться с городом, где родились деды и прадеды. Кто-то не утерял еще надежды на лучшее будущее, а кому-то просто некуда деваться... Знаю москвичей, в том числе и коренных, которые охотно сменили бы свои железобетонные клетушки на деревенский простор или тихую заводь маленького провинциального городка. Однако не меняют, не желая усложнять свою жизнь еженедельными рейсами за колбасой, маслом и зубной пастой. Другие не считают себя вправе рисковать судьбой детей, третьи боятся остаться без московской аптеки, четвертые не представляют себе, как обходиться без горячей воды, прачечной и химчистки. И — прописка, вечная наша привязь, связывающая советского гражданина покрепче любых законов, кандалов и цепей. Уехать-то из столицы в конце концов — не фокус, но попробуй потом снова пробиться к родным пенатам!

Так что же делать? Ждать, пока не сотрутся окончательно грани между столицей и провинцией? Вопрос лишь в том, в какую сторону будут эти грани стираться. Одна моя знакомая старушка-москвичка не без грустного юмора заметила: «Ну называют же Москву «большой деревней» — вот такой она постепенно и становится. К тому идет, милая моя, или вы не замечаете?»

Замечаю, как же... С сожалением замечаю, как теперь уже буквально с каждым днем и часом снижается планка наших претензий на «столичность». Вы обратили внимание, как пустеет нынче город по выходным и по праздникам? Мы срываемся из своих каменных джунглей на природу, ближе к теплой живой земле, пусть и за сто с лишним километров от дома. Субботние и воскресные электрички не вмещают осатаневших от «столичного комфорта» горожан. И лишь те, кому совсем некуда податься, навещают старые московские парки и знаменитые бульвары. Москва выходного дня кажется мне осиротевшей, покинутой в трудную минуту своими усталыми и неблагодарными детьми. А разрытые улицы и зияющие оконные проемы в поставленных на капитальный ремонт домах только усиливают впечатление брошенности.

Что же в таком случае говорить об окраинах, где урбанистический пейзаж подавляет своей серой монотонностью, а деревья еще пока подрастают на будущих бульварах? Сюда часто не добираются линии метро, автобусные интервалы растягиваются до бесконечности, а наглые и капризные таксисты вымогают у пассажира чуть ли не ползарплаты...

«Спальные районы» — обитаемые острова, перенасыщенность которых робинзонами и пятницами ощущается разве что в часы пик да в продуктовых очередях. Можно годами жить с человеком в одном подъезде и не здороваться — это же не деревня. Можно десятилетиями не выбираться в театр или на выставку — это же не совсем город. Укрывшиеся за бастионами отдельных квартир жители окраин, более чем другие, обречены на изоляцию. Жизнь человеческая зажата жестким каркасом пространства, времени и вечного дефицита — не вздохнуть.

Взрослым, тем все-таки чуть проще. В конце концов, плюнуть на все заботы, вычистить себе выходной и — устроить праздник души. Ах, как Москва-то, оказывается, переменилась! А мы-то в своем далеке ничего не видим, не знаем... И вырвавшийся на досуге «в город» московский провинциал удивится бурным проявлениям демократии, возмутится выставкой эротического искусства (если ее к тому времени не прикроют по президентскому велению), поахает по поводу коммерческих и договорных цен и... примет твердое решение — двенадцатилетнего сына или дочку-подростка одних в центр не пускать. Так он решит и будет, видимо, совершенно прав. Время нынче смутное, и от постоянных объявлений о пропавших детях и угодивших в беду подростках оторопь берет. Долго ли до беды? Нет уж, пусть лучше здесь, дома, ищут себе развлечений.

Они и ищут, в силу собственного разумения и в меру скудных возможностей провинциально-столичного бытия. Обживают подвалы многоэтажек, устраивая в них нечто вроде музыкальных клубов типа «бункеров», популярных у поклонников хэви-метал. В тех же подвалах оборудуют «качалки», получившие распространение после того как сняты были запреты на занятия культуризмом. Впрочем, самодеятельные спортивные клубы появились в подвалах как раз во времена запретов. Каратэ, культуризм, другие экзотические виды единоборства — умные люди предлагали поскорее легализовать все эти, престижные у молодняка, виды спорта, выделить для самодеятельных секций профессионалов-тренеров, как следует оборудовать хотя бы те же самые подвалы... Но люди осторожные и красноречивые немедленно развернули антиподвальную кампанию, аргументируя свои действия тем, что, во-первых, все эти каратэ, айкидо и боди-билдинги вредны морально, а самое главное — идеологически. А во-вторых, говорят они, у нас в городе великолепно развита сеть спортивных школ и секций, пусть, мол, желающие туда и идут.

Мифотворчество осторожных официальных лиц нынче почти сошло на нет. И никто не считает, сколько подростков вынуждены были взамен идеологически вредной «качалки» довольствоваться полиэтиленовым мешком и тюбиком политически нейтрального клея «Момент». И сколько жизней унесли, сколько судеб сломали запреты идеологически подкованных идиотов от комсомола и наробраза, об этом тоже почему-то никто не вспоминает... Впрочем, напрасно я говорю о смертельно опасных развлечениях подростков в прошедшем времени. Многое изменилось за годы перестройки, но в какую сторону? Пока умные сражались с осторожными, подсуетились предприимчивые. В окраинных столичных микрорайонах как грибы выросли многочисленные рублевые и полтинничные видеосалоны, в репертуаре которых подвиги красавца Брюса Ли сменяются «плотной эротикой» — смотри, не хочу. А новые спортивные сооружения, так называемые ФОКи (физкультурно-оздоровительные комплексы) увлеченно и нагло делают деньги на естественном стремлении обделенного местного населения влиться в струю «массового спорта». И бывшие дешевые и скромненькие кафе-мороженые, где раньше можно было целой компанией прогулять пятерку на соке и недорогом десерте, превратились в недоступные нормальным людям кооперативные кабаки...

Будем говорить прямо: если и есть кто ненужный, лишний, надоевший всем обитателям московской провинции, так именно подростки. Поэтому долго довольствоваться домашними развлечениями младое поколение не может. Приходит пора, и подростка неудержимо тянет туда, в центр, к оживленным и пестрым улицам, к политическим митингам и молодежным тусовкам. К жизни, которая кажется еще ярче в сравнении с одноцветной окраинной действительностью. Бирюлевские и выхинские д'артаньяны приезжают в центр с готовностью немедленно и продуктивно вписаться в эту яркую жизнь, но обнаруживают, что их не ждали, не звали и вообще они здесь — «чужие и ненужные».

Видно, поэтому наши московские и ближнеподмосковные юные провинциалы не любят бывать в центральных районах поодиночке. В одиночку-то еще больнее ощущаешь свою незваность и чуждость. От этого, кстати, во многом идет обыкновение подростков сбиваться в компании по принадлежности к одному подъезду, дому, двору. Эта своеобразная ксенофобия в любых условиях, а тем более в наших сегодняшних, часто приобретает агрессивный характер, ибо лучший способ защиты, если верить поговорке, именно нападение. Дворовые войны в Казани стали притчей во языцех, но немногим отличаются от них наши местные столкновения столичных и пригородных подростковых групп. Известны люберецкие, долгопрудненские или подольские «команды», а ведь существуют еще и внутригородские — из Строгина и Бирюлева, Бибирева и Бескудникова... Пожалуй, в каждом окраинном районе у подростков есть собственный счетец к «центровым». Но что же это за счет, и откуда берутся наши московские «межрегиональные конфликты»?

Прежде всего, полагаю, из ощущения некой общепризнанной второсортности места постоянного обитания. К слову сказать, такое ощущение — вовсе не плод юного воображения. Микроб централизации поражает города и души точно так же, как страну в целом. И мама из Строгина предпочитает, чтобы ее дочка была троечницей в центральной и престижной школе, нежели отличницей — в местной (которую наши ханжи от образования именуют «массовой»). Потому что пятерки этой самой «массовой» окраинной школы на экзаменах в институт почти неминуемо превращаются в тройки и двойки... Снова, как видим, то же соотношение, как между столицей и периферией. Общий закон «все лучшее — в столицу» в нашем городе оборачивается локальным «все лучшее — в центр»... Должно быть поэтому окраинные московские школы становятся поставщиками пополнения для ПТУ, зато центральные — для вузов. Этакий неписаный закон «о кухаркиных детях», только на современный и, по-моему, более безнравственный манер.

Но ведь то же самое происходит и во всех остальных сферах нашей жизни. В центральной части города по традиции разместились все знаменитые московские театры, концертные залы и музеи. Самым удаленным считается «Сатирикон» — но и тот в Марьиной Роще, по нынешним понятиям почти в центре! Уютные кафе, лучшие рестораны, престижные магазины — все в пределах Садового кольца, в крайнем случае, до «валов»... Контраст с окраинными районами настолько разителен, что даже в таких «комплексно застроенных» районах, как Крылатское или Теплый Стан, чувствуешь себя словно в пустыне. Мне всегда интересно, из каких показателей «на тысячу жителей» исходят те, кто планирует жизнь в новостроенных районах? Не заселение их — а именно жизнь.

Конечно, провинция и провинциализм — явление не только наше, отечественное. Бальзаковские «Сцены провинциальной жизни» вводят нас в мир французской «периферии» и дарят множество социально-психологических ассоциаций. Да собственно, во все времена и во всех странах молодых честолюбцев как магнитом влекло в столицу — в Париж, Рим, Лондон или Санкт-Петербург. Правда, вряд ли кто из этих честолюбцев вступал в фиктивный брак ради столичной прописки или вербовался в оружейную мастерскую — с той же самой целью... В столицу ехали за славой, за властью, за деньгами, наконец, но уж никак не за квартирой или колбасой.

Стало уже банальностью рассказывать о том, что супермаркет в каком-нибудь провинциальном американском Эльдорадо по ассортименту и качеству товаров неотличим от крупного столичного магазина. Но можно добавить еще несколько деталей, характерных для американской периферии. Скажем, своими университетами славится здесь не так столичный штат, как Калифорния, где сразу три знаменитых высших учебных заведения — в Беркли, Стэнфорде и Лос-Анджелесе. А знаменитые Гарвард, Иллинойский и Йельский университеты — по нашим меркам вроде бы «областные», как Тверской или Саратовский... И общенациональные («центральные») газеты в США начали выходить лишь с восьмидесятых годов нынешнего века, но кто в мире не прислушивался до того к мнению влиятельных «Нью-Йорк таймс», «Бостон глоб» или «Чикаго трибюн»?

Бывает, оказывается, и другая провинция...

Она и у нас неодинаковая, если присмотреться внимательнее и в сравнении не ограничиваться одними лишь покупательскими критериями. Есть у нас Пущино на Оке и Обнинск, держит еще марку международного научного центра Дубна, а подмосковный Клин продолжает ежегодно принимать всемирно известных музыкантов. За десятилетия так называемого «застоя» они успели многое утратить, так же, как полинял новосибирский Академгородок. Но меняются времена, и новые городские Советы обсуждают программы возрождения. К сожалению, комплекс провинциальной неполноценности силен еще настолько, что где-то народные избранники, одержимые ксенофобией и одурманенные идеологической демагогией, с порога отвергают идею свободной экономической зоны. Дескать, лучше в лаптях, в грязи и бедности, но сами... Что тут скажешь? Это мы с вами уже давно проходили, дорогие соотечественники, и получили на экзамене двойку. Стоит ли еще раз оставаться на второй год?

...Чем дальше от столичного центра, тем тяжелее снежный ком проблем, преследующих наше меняющееся общество. Жилье, экология, здоровье, преступность, социальная сфера, торговля — устанешь перечислять. Но, наверное, самая тягостная проблема любой, в том числе и столичной провинции — ее духовная изоляция. Это правда, что провинция — понятие не географическое. И можно быть замшелым провинциалом, оставаясь коренным москвичом. Для этого, пожалуй, вовсе не обязательно переселяться в район новостройки. Впрочем, и окраины бывают разные. На одной из них есть, скажем, театр «На Юго-Западе», а на другой — медико-философский лицей, куда стремятся попасть ребята со всех концов Москвы с бо́льшим желанием, нежели в элитарную школу с обучением на иностранном языке. И всю страну обошли уже требования жителей дальнего Медведкова и неухоженного Бибирева — прекратить строительство теплоцентрали, отнимающей последнее достояние окраинных районов — чистый воздух.

Московская провинция... По весне расцветают здесь веселые одуванчиковые поляны, а в бывших лесах, говорят, попадаются иногда даже сморчки и маслята. Важно ходят по тротуарам голуби и отчаянно хлопочут воробьи. И, словно воробьи, рассаживаются на холодных, облицованных кафельной плиткой парапетах у входа в метро подростки со своими гитарами и магнитофонами — радуются первому весеннему солнышку. Накрашенные девчонки с растрепанными по неведомой моде волосами и независимо-наглые мальчишки в цепочках и заклепках вызывают у прохожих целую гамму эмоций: от жалости до ненависти. Заброшенные и беспризорные столичные гавроши — полусироты при живых родителях, полубездомные обитатели отдельных квартир со всеми удобствами. Ненужные на своей родной окраине и чужие, незваные гости — в центре. Тут, дома, их считают второсортными по сравнению со взрослым и трудозанятым населением, а там они и сами ощущают свою второсортность рядом с «центровыми» ровесниками. Тяжко начинать жизнь с подобной самооценкой. Что-то ждет их дальше, юных пленников столичного захолустья?

...А на автобусной остановке кто-то с интересом вчитывается в текст самодельных объявлений, наспех приклеенных к фонарному столбу: «Меняю ПО ДОГОВОРЕННОСТИ 3-комнатную квартиру... на меньшую в пределах Садового кольца. ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ».

Варианты возможны — по хорошей «договоренности» есть надежда убежать из опостылевшего московского захолустья в престижный и обжитой центр. Не убежишь только от провинции в себе...

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ НОМЕРА

ХУДОЖНИКУ ПЛОХО, КОГДА ЕГО ЖИВОПИСЬ НИКТО НЕ ВИДИТ

Это уже знакомая нам судьба художника-шестидесятника. Родился Владимир Галацкий в 1929 году в Москве в семье художника. Закончил художественную школу имени Сурикова, позже — художественное отделение Полиграфического института. Ученик знаменитой теперь студии Э. М. Белютина. Нонконформизм молодых художников тех лет сочетался с наивной верой в «оттепель». Но выставки на Б. Коммунистической, а затем в Манеже в 1962 году закончились всем известным скандалом. В 1963 году выставка в ЦДЛ, где картины пришлось спускать через окно на веревках во двор, чтобы избежать их «ареста», как это случилось в Манеже. В 1965 году выставка на ул. Жолтовского, просуществовавшая три дня,— в ночь перед приездом ответственного лица из ЦК картины попросили снять.

На этом «оттепель» для художника Галацкого завершилась окончательно. Правда, еще какое-то время можно было жить, просто работая в издательствах художником-иллюстратором, но как-то так повелось, что художнику плохо, когда его живопись и графику не видит никто, кроме членов семьи. И Галацкий принимает решение изменить место жительства, читай: творчества. Пришлось ему и тут помучиться, визу получил ценой голодовки.

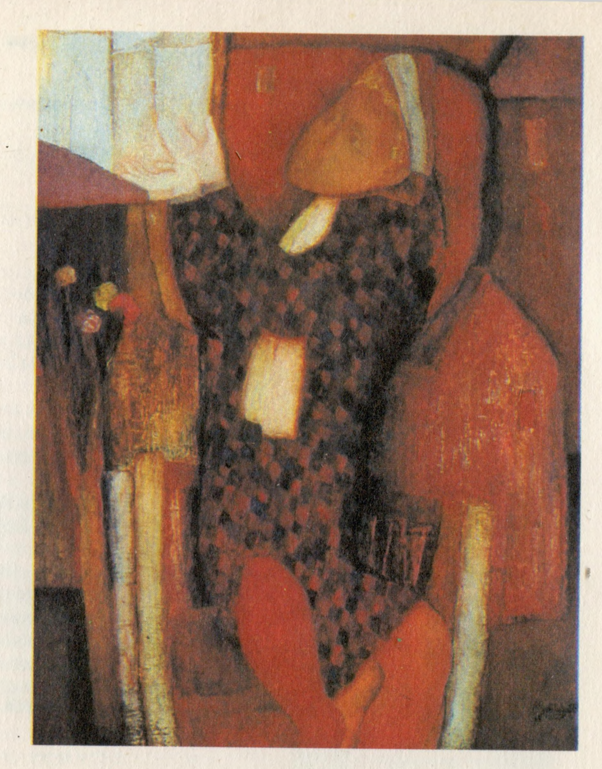
Итак, летом 1973 года Владимир Галацкий, уже ни о чем не жалея, выехал из СССР обычным тогда путем Вена — Италия... В Италии пробыл восемь месяцев, дважды за это время выставлялся. В 1974 году Галацкий переезжает в Швецию и живет в Стокгольме по сей день. Он влюблен в эту страну и говорит, что не смог бы жить ни в какой другой.

За 16 лет эмиграции у Владимира Галацкого было более сорока выставок по всему свету. Он любит выставлять свои работы в маленьких галереях, где у зрителя есть возможность серьезного и спокойного общения с его картинами. С годами творчество Галацкого становится все более мудрым, более глубоким.

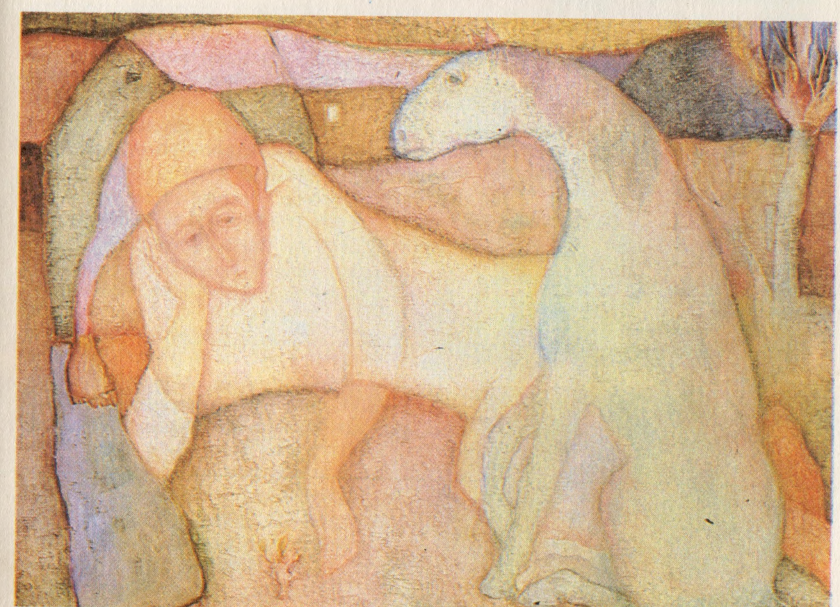
Работы Владимира Галацкого находятся в частных коллекциях в США, Франции, Италии, Финляндии, Германии, Швеции.

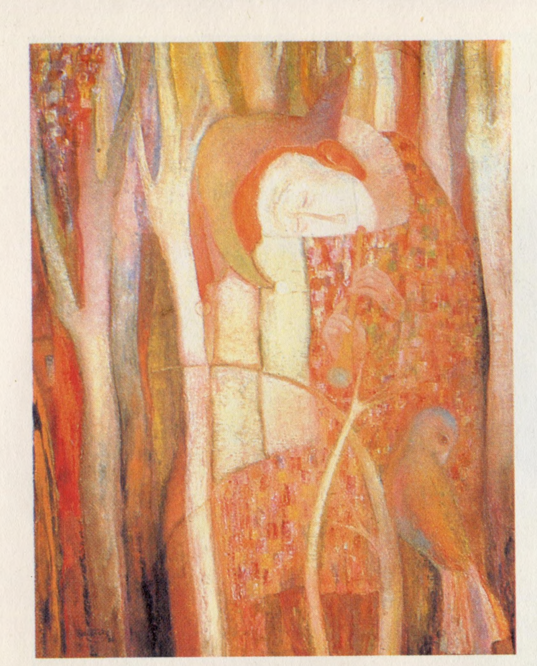
ИРИНА БАТАЛОВА

Третий адвент

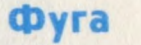

Мечта о земле

Песня

Фуга

Анатолий Мариенгоф

БРИТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Анатолия Мариенгофа (1897—1962) знают у нас мало. Почти шесть десятилетий он был добычей лишь коллекционеров и «доцентов» — комментаторов книг Есенина.

Первые выискивали тоненькие сборнички его стихов 20-х годов — «Витрина сердца», «Стихами чванствую», «Развратничаю с вдохновением» и др.— их чисто символические тиражи тешили тщеславие.

Вторые использовали имя Мариенгофа и его присутствие в биографии Есенина для объяснения идеологических и «морально-бытовых» грехов и срывов в творчестве великого поэта («Вся эта богемная мошкара мешает ему...»).

До последнего времени (1988) мало кто мог похвастать тем, что читал автобиографический «Роман без вранья», пожалуй, самую известную вещь Мариенгофа.

Трижды изданный в 1927—1929, роман вызвал резкую критику («Эксцентрическая развязность, самовлюбленность, склонность к дешевой сенсации делают эту книгу одновременно и бульварно-мещанским чтивом и демонстрацией опустившегося буржуа против нового уклада жизни, создаваемого революцией») и со временем был упрятан в спецхран.

За упавшим камешком последовала лавина... «Не наша идеология» стала причиной того, что с экранов были сняты сделанные по сценариям А. Мариенгофа фильмы «Веселая канарейка» и «Посторонняя женщина».

В том же, 29-м, по страницам печати и многочисленным собраниям «общественности» прогремела кампания против «контрреволюционных поступков» Е. Замятина и Б. Пильняка, чьи книги — роман «Мы» и повесть «Красное дерево» — были опубликованы на Западе. К главным жертвам чудовищной вакханалии (очень схожей с той, что через тридцать лет будет развернута вокруг «дела Пастернака») был подверстан и А. Мариенгоф — его роман «Циники» также появился в «белоэмигрантском» издательстве.

О предыстории злоключений «Циников» Мариенгоф писал (в неопубликованном письме от 8 октября 1928 года):

«...Было такое счастливое время, когда мой новый роман собирался появиться спокойненько и тихохонько на свет, скажем по-старинке,— божий. Ленгосиздат оторвал его у меня «с руками и ногами», в два дня был подписан договор, расщедрившись на гонорар, раскошелились на аванс.

Что уж, кажется, лучше. Но не тут-то было. В каждом порядочном учреждении должна быть своя тупица. Такая обрелась и в Гизе в виде политредактора или попросту цензора.

Короче, роман, который за день до того был «приемлемым во всех отношениях», оказался исчадием адовым.

Самое противное, что резали мою книгу, все время приговаривая: «Ах, какая острая! Ах, какая талантливая! Ах, какая интересная!» В чем же дело? Оказывается, «злосчастный автор приводит — в «ДЫРУ» (!).

Что, видите ли, после такой книжки сам политредактор «почувствовал себя подлецом»... Я собственно бы не стал возражать! Но при чем же тут моя книжка? Жаль только, что он «почувствовал себя подлецом» после нее, а не лет десять тому назад. Это было бы правильно.

Словом, очередное тупоумие восторжествовало.

...У меня были предложения из Берлина об издании моих книг за границей. Как только я подписал договор с Ленгизом,— я выслал «Циников» в Германию (25 сент.). Вскоре получил оттуда письмо, что 15 октября книга будет в продаже в Германии. Вот как работает Европа...

Но... что получается. Книга зарезана цензурой здесь, а там выходит. Потом пойдут переводы (в ноябре).

И мне не страсть как сладко, да и всем будет не по сердцу. Советский писатель, который не может печататься в Советской России...» (ЦГАЛИ, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 292).

Кампания завершилась тем, что Замятин обратился к Сталину с просьбой о выезде из СССР, а Пильняк и Мариенгоф опубликовали покаянные письма.

Но — «судьба играет с человеком». Через несколько месяцев, в 1930-м, в Берлине появился другой роман А. Мариенгофа — «Бритый человек». И занавес опустился. Нет, новую кампанию разворачивать не стали: очевидно, фигура была не та, да и вновь демонстрировать писательской и прочей советской общественности дурные образцы непослушания посчитали нецелесообразным. Орг же выводы были сделаны — Мариенгофа перестали печатать. В 1932-м эти оргвыводы идеологически подкрепила «Литературная энциклопедия»: «Творчество Мариенгофа — один из продуктов распада буржуазного искусства после победы пролетарской революции».

Снова имя А. Мариенгофа появилось в печати лишь перед самой войной. Но это был уже другой писатель — обычный: никакого эпатажа, никакого распада, никаких «дыр»: «автор в легкой и доходчивой форме трактует сложные вопросы советской морали».

Еще один пример сломанной судьбы, или, как до недавнего времени говорилось, бережного отношения партии и правительства к таланту.

«Роман без вранья» и «Циники» теперь переизданы, и даже не раз. Пришла очередь и злосчастного «Бритого человека». Заметим, что в отличие от нас, т а м роман перепечатывался: в 1968-м в Израиле и в 1984-м в парижском журнале «Стрелец». «Горизонт» публикует его по первому изданию: «Анатолий Мариенгоф. Бритый человек: Роман. Берлин: Петрополис, [1930], за что приносит глубокую благодарность проф. И. В. САВИНУ.

> Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: «Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущие, а не сухое».
>
> *ГОГОЛЬ*

Первая глава

1

Мы бегаем по земле, прыгаем по трамваям, носимся в поездах и все для чего? Чтобы поймать за хвост свое несчастье.

Одному оно попадается в руки под видом эфемернейшего существа с голосом, как журчеек, и с такими зеркалами души на лице, что хоть

садись и сочиняй стихи. Другому в коварливой приятности ответственного поста. Третьему под обликом друга с широким сердцем, в котором, кажется, поместишься без остатка. И не то, что свернувшись калачиком, скрючившись крендельком или загогулькой. Ничего подобного. Хоть в стрелку вытягивайся, похрустывая конечностями.

Свое несчастье я поймал в Пензе в шелудивый осенний день. Это случилось ровно пятнадцать лет назад.

Сковорода сказал про Моисея, что он с невидимого образа Божия «будто план сняв, начертал его просто и грубо самонужнейшими линиями и по нему основал жидовское общество».

Я пишу книгу о моем несчастьи, может быть, еще более невидимом. Мне бы хотелось последовать Моисею.

2

Наша частная Пустаревская гимназия помещалась в оскотовелом здании мохрякого кирпича. Здание пензякам казалось громадным. У нас ведь так говорили:

— А где вы живете, добрейший Василий Петрович?

— Живу я, Петр Васильевич, у фанталки в большом двухэтажном доме.

Само собой, что здание в четыре слоя было гордостью города. Его показывали зашельцам. О нем упоминали в домовитых хрониках. Им козыряли пензенские патриоты, когда у них разгорался спор стародавний с патриотами тамбовскими. Здание стояло на главной улице. Улица была крючкастая, горбоносая. Она лезла в горы тяжело, с отдышкой, еле передвигая ухабистые, выбоинистые, худо и лениво мощеные ступени мостовой.

На горе сидел забор. Обрюзглый. Крашеный желчью. Расползшийся будто куча. Похожий на острог. А также на полковника Боткина, командира Приморского драгунского полка, квартировавшего в Пензе. Колокольня же соборная походила на пензенского губернатора фон-Лименфельд-Тоаля, тщательного средневика с неулыбающимся ртом.

3

Из Нижнего Новгорода, из дворянского какого-то заведения, в нашу Пустаревскую гимназию перевелась достопримечательность. Надо сказать, что всегда у меня была к достопримечательностям склонность. Будь то седобородый красавец-архиерей, питомец Пажеского корпуса, носивший клобук монаший словно сверкающий кивер синего кирасира, или разважничавшийся волкодав со многими медалями столичных собачьих выставок, непременный спутник полицмейстерской дочки с личиком из монастырского воска и глазами нежнейшей голубизны свежевыпавшего снега ясных и очень морозных ночей.

Когда достопримечательность из дворянского института появилась в нашей гимназии, у меня от первого взгляда запрыгала невидимая жилка над правой бровью и заползали по хребту мурашки, несуществующие в природе.

Мне тут же смертельно захотелось подбежать к нему, лепетать какие-то жалкие слова, лебезить, угождать, заискивать с глазами, залосненными лестью.

Для преодоления противного желания потребовалось довольно мучительное усилие. Я его проделал. Но ладонь, тяжелая и холодная, продолжала лежать на груди.

Кроме того я определенно завидовал и злился на Сашу Фрабера. Он, к моему изумлению, не только, как ни в чем не бывало, посадил

себе: «Я убежденный жидоненавистник, а посему и бескорыстный гонитель».

Что же касается фиолетового стеклянного шара из окна аптеки провизора Маркузина, то он в цилиндре tailor'а видоизменялся в мадам Тузик, многогрудую, бочковатую, с бровями, как усы у Фридриха Ницше, гостеприимную хозяйку самого добросовестного публичного дома в Пензе, «фирма существует с 1887 года».

Следует упомянуть, что наши пензенские любители, когда они ставили пьесу из аристократической жизни, всегда одалживали у Лавриновича его пальмерстон и цилиндр.

6

Проегозив мимо моей достопримечательности, одна пышечка, зажмурившись от волнения, прошептала другой пышечке, побледневшей от восторга:

— Ужасно тонный.

На что вторая отозвалась, как эхо:

— Кошмарно интересный.

И обе одновременно выдохнули из себя, похожее на стон:

— А-а-х.

А он, кажется, и не почувствовал, что уносит на своих пуговицах с танцующими оленями скромные фиалки их глаз.

Зато у меня на лице неприлично расплылась блаженная улыбка. Я ее презирал, ненавидел, и ничего не мог поделать. Одновременно я не мог вырвать, освободить своих движений из полного подчинения ритму его тела. Я даже ощущал какое-то мучительное наслаждение в том, что иду его покачивающейся походкой, так же поигрываю бедрами, так же бережно несу голову. И вдобавок, теперь мне кажется это невероятным, я испытывал болезненную ломоту в скулах и лицевых мускулах: точно они растягивались, пытаясь принять яйцевидную форму его лица.

Мне припомнились приготовишкинские разговоры с самим собой. Чаще всего они велись в общей зале за утренней молитвой во время чтения отцом Смаковницыным главы из Евангелия. Я смотрел на мальца, славившегося своей смазливой морденкой, и думал: «Что за свинство, Володька Морозов красивый, а я некрасивый. И все папка и мамка виноваты, чтоб их кошки драли. Не могли постараться. Тоже — утюги». Потом задавал себе вопрос: «А хотел бы ты, Мишка, поменяться с Володькой Морозовым — носами? Глянь, какой у него благородный, а у тебя плюха». И чуть бывало не вскрикивал: «Ни-в-жисъ. Пес с ним, с Володькиным носом. Мне моя плюха больше нравится». Куда девался гордый приготовишка?

7

Угол. Золотоливрейный Эрмитажский швейцар, не торгуясь, расплачивается с лихачем. Пиф-Паф ездит только на дутиках, и поэтому их становится в Пензе с каждым годом все больше и больше.

За Эрмитажем начиналась Сенная площадь. Лотки, ларьки, палатки, деревянные лавчонки, кирпичные мясные ряды. Вокруг могучая грязь. Она лежит, как разъевшаяся свинья, похрюкивая и посапывая.

С возрастающей тревогой я поглядываю на лаковые копытца, мелькающие перед моими глазами.

Надо сознаться, это был один из тех немногочисленных случаев в моей жизни, когда предчувствие не пожелало быть обманщиком.

Говорят, что для некоторых предчувствие служит толковым советчиком. Когда приходит важное обстоятельство, счастливцы больше всего стараются не шевелить мозгами. Но зато очень прислушиваются к таинственному голосу, исходящему нивесть из каких мест. А так как у этих людей все в жизни получается складно и удачливо, то я прихожу к выводу, что наука о человеке не стоит выеденного яйца. Если живот или филейная часть лучше советуют, чем голова, значит и надо их слушать.

Что же касается меня, то на протяжении трех десятков лет мне все почему-то давали никуда негодные советы. Задница не многим отличалась от лучшего друга, жена — от кишечника, мозги — от сердечной сумки. Поэтому у меня не было никаких оснований отдавать особое предпочтение предчувствию. Чаще всего я даже обращался с ним не без наглости.

Если я сидел в кино по соседству с очаровательной незнакомкой, волнующей воображение, как лампа под желтым абажуром или яркие полосатые обои (в подобном окружении можно чудесно провести полчаса и омерзительный день), и предчувствие начинало мне нашептывать: «Дурак, пользуйся случаем. Я тебя уверяю, что в этих прелестных коленных чашечках под шелком, более прозрачном и легком, чем пар, горячая и густая кровь. Трус, неужели ты боишься до них дотронуться кончиками пальцев? Другой бы, разумеется, не такой осел, как ты, давным давно был бы на пути к тому, что мы деликатно называем своим счастьем»,— я всегда отвечал предчувствию: «Проваливай. И без твоих советов я всегда успеваю лишний раз в жизни получить по морде».

8

Вот так лужа!

«Я отдам ему калоши».

Это была моя первая мысль. Вторая оказалась более разумной. Она меня во-время одернула. Я в остуду сказал себе: «Глупое животное, если бы его отделял вершок от гибели, он и тогда бы не воспользовался твоими дурацкими калошами, облезшими, как старая змея, и побывавшими в руках заливщика».

Он идет через лужу, будто по рельсе. Я вспоминаю детство, и у меня заболевает нежностью сердце.

Он легкими, как бумага, руками ищет какие-то воздушные, неверные, призрачные перила.

Сначала торкается в меня, потом грузно ломится желание — подбежать, пробормотать: «Умоляю вас!» и подставить свое плечо. Но я робею.

9

Судя по всему, и я способен на нечто героическое. Только бы подвернулись подходящие обстоятельства. Может случиться, что когда-нибудь и я побегу со штыком наперевес вперед, а не назад. Конечно, если буду уверен, что человек, которому я должен выпустить кишки, действительно того достоин. Но к стыду своему, я до сих пор не могу назвать такого человека, которому проткнул бы живот с удовольствием.

Когда я извлекал институтца из лужи, одновременно вылавливая разбухшие тетради, книги и побуревшую фуражку с короной, он улыбался недоумевающей и очаровательной по беспомощности улыбкой, напоминая актрису Орхидееву, что в прошлом сезоне на глазах «всей Пензы», играя прекрасную Юлию, потеряла панталоны в сцене лирического прощания с Ромео.

Бедняжке пришлось уехать из города в середине зимы, потому что на каждом спектакле в самом драматическом месте ей кричали гимназисты с галерки:

— Орхидеева, галифе при-дер-жи-вай!

институтца к себе на парту, но на первых порах даже держался по отношению к нему покровительственного тона. Саша Фрабер — гимназист с ластиком, с часами, с карандашом в жестяной капсюльке и перочинным ножиком с тремя лезвиями, ногтечисткой, зубоковырялкой, подпильником и ножничками. Если к Саше Фраберу обращались с вопросом, хотя бы самым пустяковым и ничего не значущим, он обычно отвечал: «Я об этом должен подумать».

И собирал на лбу кожу в крупную складку. Саша Фрабер не любил, чтобы его торопили: «Если ты хочешь услышать мое мнение, пожалуйста, не мешай мне думать».

В такую минуту было бы неблагоразумно сунуть ему под мышку нужную тетрадь или книгу: «Разве ты не видишь, что я думаю?» — кричал он на не в меру прытковатого приятеля и гневно швырял на пол злосчастную книгу.

Маленькие фраберовские недостатки росли в тот день в моих глазах с неимоверной быстротой, принимали чудовищные размеры. Я говорил самому себе: «Нечего тут и обсуживать; толстозадое «подумать» тебя ограбило. Полюбуйся, как этот гнусный карандаш в капсюльке без всякого затаенного волнения расхаживает по коридору с твоим институтцем. Как без малейшей трепетливости кладет руку на его светящийся лаковый пояс. Как без бьющегося сердца расчесывает свой дурацкий нафиксатуренный ершик черепаховой гребенкой, извивающейся в пальцах, словно полоска бумаги».

И спазма перекусывала мне горло.

4

Я уже упомянул, что свое несчастье поймал за хвост пятнадцать лет назад. Да, теперь легко сказать: «Свое несчастье».

Через пятнадцать лет не великое дело догадаться. Так накануне золотой свадьбы «жених» приходит к мысли, что полстолетия назад он, как последний длинноухий осел, влюбился в бесповоротную каргу. А семидесятилетнюю «невесту» осеняет откровение, что в прошлом веке она нерассудно отдала свое шаловливое сердце бесчувственному чурбану. Какая цена их запоздалой мудрости? Что могут изменить их старческие слезы? Милая карга и дорогой чурбан, постарайтесь весело отпраздновать свою золотую свадьбу. Ну возьмите же себя в руки. Улыбайтесь. Принимайте поздравления. Пусть ваши многочисленные дети, внуки и правнуки думают, что вы прожили замечательную жизнь. Пусть они считают, что вы счастливы. Все равно каждый из них или повторит вашу ошибку, или сделает свою собственную. Некоторые по всей вероятности станут менять своих спутниц и спутников жизни. В этом случае они под старость будут бранить себя за глупые измены. Им будет казаться, что они потеряли счастье в тот день, когда сбежали от своей первой подруги или от своего первого возлюбленного. Потому что любовное разнообразие откроет им, что в любви нет ничего разнообразного. Они скажут себе: «Не для чего было городить огород. Хороший товар нужнее, чем пустоголовая любовница. В конце концов, с дурой даже не так сладко спится, как это кажется». А когда последние объятия повторят им только то, что они узнали в первую ночь, они поймут, что во всем виноваты лживые загадочные слова, которыми фантазеры обозначили нечто заурядное. Они возненавидят слова «наслаждение», «страсть», «сладострастие». Будут уверять, что с поэзией необходимо бороться, как с расстройством желудка, потому что самый безобидный понос может во всякую минуту перейти в дизентерию. В разговоре они станут пользоваться словарем газетного репортера, судебного заседателя, гинеколога. Будут говорит: «половой акт», «совокупление», «соитие». И сойдут в могилу циниками, до последнего волоса разочарованными в любви. А ведь их прабабушки накануне золотой свадьбы разочаровались всего-навсего в своем трудолюбивом возлюбленном.

5

Жирными селезнями плыли лужи по взлохмаченным временем и непогодами панелям. Размокшие окурки, козьи ножки, пивные пробки, спичечные и папиросные коробки подпрыгивали замурзанными пешеходами. Обрывки газетной бумаги волочили махровые кружева нижних юбок. Круглыми золотыми орехами катился лошадиный кал.

Занятый своими мыслями, я усерднее, чем когда-либо созерцал кончик собственного носа. Такая уж у меня манера, задумавшись, созерцать то, что менее всего достойно созерцания.

Наша Пенза тиха и пустыннолюдна. Даже на главной улице панель оживала только в исключительных случаях: когда на нее въезжал подвыпивший велосипедист или извозчичья кобыла с хвостом, завязанным в узел, как пучок на голове старой девы, заинтересовывалась витриной галантерейного магазина бр. Слонимских.

Неожиданно я получил изрядное напоминание в берцовую кость. «Неужели, подумал я, назюзюкался мотоциклист, единственный в городе?» К счастью, мое предположение оказалось неверным. Я открыл рот, чтобы выругать мальчишку, тащившего на голове вольтеровское кресло, и увидел, что в трех шагах от меня цокают по щербатому асфальту лаковые копытца моей достопримечательности.

«Боже мой, Боже мой, да ведь он без калош».

И я ощутил, как из моего сердца вылилось теплое тягучее почти материнское беспокойство: «Ах, он непременно промочит ноги и поймает насморк. Хорошо еще, если не злокачественный. Ведь насморки бывают всякие. И как это можно ходить без калош! Добро бы еще где, а то в нашей Богоспасаемой Пензе».

Ни одна гимназистка не прошла мимо него, не оглянувшись. Я не допускал мысли, что тому виной его фуражка с красным околышем и с необычайным гербом, увенчанным короной. Или его плоские золотые пуговицы с танцующими оленями. Или белые замшевые перчатки с черными шнурами. Или шинель с красными жилками и сверкающим от хлястика разрезом, кавалерийского образца.

Почему же, в таком случае, гимназистки не оглядываются на Исаак Исааковича Лавриновича?

Исаак Исаакович известный пензенский «tailor». Если Исаак Исаакович выходил из дома даже в 9 часов утра,— он надевал цилиндр и пальмерстон. В цилиндре Исаака Исааковича парадоксально отражались окружающие предметы. Обыкновенный, допустим, керосиновый фонарь, один из тех немногих фонарей, что освещали главную улицу в безлунные ночи,— превращался в соблазнительнейшую из знаменитого нашего кафе-шантана Эрмитаж мадемуазель Пиф-Паф. Тоненькое, как папироска, существо от скуки догадалось внести незначительные усовершенствования и весьма скромное воображение в свою профессиональную гимнастику, и это ловко сыграло ей на руку: полковник Боткин меньше произносил за зиму тостов «за прекрасный пол», чем Пиф-Паф разбивала сердец.

А вот невинный детский шарик на ниточке, отразившись в цилиндре Исаак Исааковича, мгновенно оборачивался в бритую голову пристава Утробы из первого участка. Грозный пристав говорил сам о

Он стал трагически ходить из угла в угол, топча текинский ковер тяжелыми шагами убийцы.

— На смертном одре вспомню и зубами заскрежещу. Замер? Ах, сукин сын! Агонию, можно сказать, себе испакостил.

И положил голову на мои колени:

— Скажи, Мишка, не бессмысленная ли роскошь в наше время — иметь такую нежную, такую хрупкую совесть? Шестнадцать лет угрызений!

3

У меня жидкие руки и больная поясница. Раз в месяц я непременно страдаю прострелом. Шпреегарт любил мне ставить спасительные банки: он ловко бросал зажженные бумажки в стеклянные рты и присасывался ими к моей спине. Моя багровая кожа, вздуваясь, заполняла сосудики. Я стонал, скрипел зубами. Это было похоже на пытку. Он себя чувствовал заплечных дел мастером. Под занавес, для веселья, он ставил мне две банки на ягодицы. Я кричал, ругался, посылал проклятья. А он хлопал в ладоши, заливался смехом, приводил мою жену и показывал:

— Ниночка, полюбуйся. До чего же хорош!

Она визжала:

— Ой, какой ужас! Какой ужас!

И хватала его за руку:

— Честное слово, я сейчас стошнюсь. Ей-Богу, стошнюсь. Вот уже к горлышку подкатило.

И выбегала из комнаты. Моему другу приходилось ее успокаивать. А банки с поясницы снимала Матрена. Это была человеколюбивая женщина. Она вместе с вазелином втирала в мою багровую спину свои слезы и жалость.

Из-за трухлявой спины я никогда не мог решиться перенести на руках мою жену с кресла в кровать. Бедняжка должна была всякий раз сама шлепать по полу босыми пятками. Конечно, это не украшало мою любовь. Но я все-таки малодушно предпочитал получить немножко меньше того, что мне полагается по программе, лишь бы не выламывался позвоночник.

А моего пьяного друга я волочил на закорках через всю комнату. Карабкался с ним на стол. Поскользнулся на фисташковой скорлупке, опрокинул бутылку, попал каблуком в консервную банку со шпротами «Прима» на деликатесном масле, раздавил лососиный глаз. Граммофон кряхтел под нашей двойной тяжестью. Шекспировские тома разъезжались под ногами.

Еще труднее было накинуть петлю на голову. Вернее — продеть голову в петлю. Почему-то (по неопытности, разумеется) я все время пытался проделать вторую манипуляцию, хотя первая была несравненно проще. Я напоминал себе старуху с трясущимися руками, что проклинает крохотный глазок иглы. Не хватало того, чтобы я еще помусолил конец моей нитки. Я дошел до такого абсурда, что надел на нос свое знаменитое пенснэ в золотой оправе. На моем ничтожном носу оно во всех случаях жизни имеет торжественный вид. Как золотой крендель над захудалой пензенской лавчонкой, торгующей мучным.

Мой друг сделал не более двух-трех движений. Почти изящных. Он словно вставал на цыпочки, чтобы заглянуть в бессмертие.

За оконным стеклом потягивалось раннее утро, небритое, опухшее, щетинистое. Оно выгодно оттеняло элегантность мертвеца. Складка на брюках стала еще безукоризненней. Небрежно приподнявшийся воротник пиджака прикрыл рубашку, забрызганную комочками рвоты. Шелковый платок в боковом кармане казался белым цветком. А петля взбеспорядочила его волосы. Она разложила пряди с той небрежностью и неожиданностью, на которую не способны щипцы цирюльника. Даже ржавые веки, тронутые акварелью вечности, стали более легкими.

Я ударил его кулаком в живот. Он, качнувшись, отвесил мне поклон.

Я крикнул:

— Пшют.

А он...

Чушь! чушь! Трупы никогда не разговаривали. Это не в их правилах.

Однако же я заорал благим матом:

— Молчать!

И повторял, скатываясь яблоком с лестницы:

— Ты, милый друг, достаточно поострил на мой счет в жизни. Вполне достаточно. Совершенно достаточно.

4

Бульвар. На тупоносых фонарях железные намордники. С какой стати? Не воображают ли какие-нибудь идиоты, что они залают от ужаса, что они взбесятся, станут бросаться на прохожих, рвать брюки вместе с ляжками.

Впрочем, все возможно. Этот фонарь видел, что у моего друга выросла ассирийская борода. Может быть, он не воет из трусости. Чтобы и его за компанию я не придушил.

Я бегу по мокрой дорожке бульвара. Право же, я почти весел. Как возвращающийся с кладбища порожний катафалк.

В чем дело? Хватит с меня одного геморроя. Теперь, по крайней мере, душа не будет испражняться кровью.

Я спокоен. Я нашел спокойствие. Только вот немножко злит ветер. Он загоняет мою душу в бутылку: берет за храпок.

Нашел спокойствие? Кретин.

Я однажды шел по улице за голодным человеком. Кожа серой резиной обтягивала кости на его лице. Рот у него был темный, как бровь. Глаза лежали кусочками гнилой говядины, просалив веки, будто оберточную бумагу. Человек рычал и грыз ногтями зеркальные стекла, за которыми стояли красные деревянные кругляшки взамен голландских сыров; взрезанные ноздреватые чурбаны с нарисованной слезой — взамен швейцарских; длинные серебряные мешочки, наполненные опилками,— вместо колбас; жирные свиные окороки из папье-маше и, наконец, яйца, снесенные токарем.

Человек, одуревший от голода, стал доверчивым и наивным. На углу Газетного и Тверской он вдруг остановился. Его слипшиеся веки впились в панель. Я взглянул по тому же направлению — на панели что-то сверкнуло серебром. Несчастный прыгнул, взвизгнул и схватил дрожащими счастливыми руками... плевок. Скользкий, круглый, расползшийся у него в пальцах.

Теперь я спрашиваю себя: «Дорогой приятель, не похоже ли и найденное тобой спокойствие на серебряный рубль того голодного человека?»

На голом суку — ворона. Кто ее тут повесил? Не самоубийство ли это? Неужели воронам так хорошо живется на белом свете, что они

Потом я вынул носовой платок и трепетно принялся вытирать его руки, его шинель, его брюки, его ботинки.

Когда платок вымок, я вытирал рукавом собственного пальто. Он продолжал улыбаться, но уже не столь беспомощно. Мне даже показалось, судя по его губам, тонким и прямым, как спичка, что мы успели поменяться ролями. Выходило, будто не он «потерял панталоны», а я.

С того самого момента, как он встал на ноги, он только и сделал, что брезгливо бросил на панель перчатки и, чтобы помочь мне лучше ориентироваться, несколько раз пошевелил пальцем с еле уловимой снисходительностью:

— Пожалуйста, вот еще здесь, и здесь, и здесь. Очень вам благодарен. Да нет же,— около штрипок. Мерси.

Когда все, что нужно было выловить из лужи, я выловил, и все, что можно было оттереть и отскоблить, я оттер и отскоблил, он сказал:

— Мы с вами, кажется, еще не знакомы?

И сделал рассеянную улыбку, словно никак не мог вспомнить собственную фамилию.

Я пробормотал:

— Титичкин.

Он с сочувствием пожал мне руку и произнес очень тихо, приглушенно, как бы в дымчатость и ласковость пеленая любимые буквы:

— ШПРЕЕГАРТ.

Вторая глава

1

Это же «Шпреегарт!» было его последним словом. Последним словом! С пьяным затекшим сознанием, с ржавыми веками, более тяжелыми, чем ставни китайгородских складов, на которых железными грыжами торчат замки, с головой, болтающейся на одной ниточке, волосами свалявшимися — шкурой под собачьим хвостом (после тридцати лет Шпреегарт начал роковым образом плешивать), повисшими руками — белыми, как адъютантские аксельбанты, с комочками рвоты на шелковой рубашке и на галстуке с «Rue de la Paix», он умудрился произнести «Шпреегарт!» нежно, как первое «люблю».

Много бы я дал, чтобы заглянуть тогда в его пьяный самовлюбленный мозг.

Я хотел его повесить — жалкого, ничтожного, заблеванного. А он взял да и надел в остающуюся минуту на свою плешиватую голову черное сияние ангела преисподни.

Из всех последних слов я раньше считал самыми замечательными слова графини де Версели: «Она перестала говорить и молча боролась с агонией. Вдруг в тишине раздался звук вырвавшегося из ее тела газа. «Прекрасно,— подумала она,— женщина, способная на это, еще не умерла.»

Никто не скажет, что Жан-Жаковская, аристократка, плохо дорисовала свой портрет. Но если бы кто-нибудь знал моего друга так, как знал его я, то он, конечно, не стал бы возражать против моей измены графине де Версели. Если она была духовной бабушкой Анатоля Франса, то мой друг, неожиданно, своим изумительным «Шпреегарт!» — подвнучатился к Достоевскому.

2

Я повесил моего друга на шнуре от портьеры. Шнур заканчивался тяжелой кистью цвета клеенки, что употребляется при компрессах.

Кисть пристала к его нижней челюсти, как борода. Она сделала его похожим на ассирийца.

Я никогда не предполагал, что он будет таким красивым в петле. Он почему-то не посинел, не высунул языка, не выкатил из орбит — голубоватых шариков, из замерзшего дыма египетской папиросы. Его пальцы не скрючились, как им, собственно, надлежало. Но — казалось, стали еще длиннее. Он только в этот день сделал маникюр. Упоминал ли я о том, что пальцы у него были необыкновенно длинные, тонкие, острые — будто карандаши, впервые отточенные специальным колпачком-точилкой. Я терпеть не могу людей, отточенных таким образом (Саша Фрабер). Человек должен быть отточен небрежно, неровно — лезвием безопасной бритвы или еще лучше — столовым ножом. Но пальцы!

Шнур от портьеры я привязал к крюку, ввинченному в потолок. Так как комната была высока, а я коротконог, мне пришлось соорудить целую башню: на стол водрузить венский стул, на стул — безрупорный граммофон, на граммофон — полное собрание сочинений Шекспира в издании Брокгауза. Незадолго до того мой друг сказал, взглянув на тисненный золотом переплет:

— У него в фамилии на две буквы меньше, чем у меня.

Я пробормотал себе под нос:

— Бедный Шекспир!

До чего тысячепудово бесчувственно пьяное тело. Шпреегарт словно обожрался булыжниками.

А вместе с тем я припомнил, что он едва притронулся к копченому угрю, к лимону и соленым фисташкам.

Рядом с ним за столом сидела Лидочка Градопольская. Он ей шептал:

— Лидочка, я пришествую вами.

И ее глаза звенели, как золотые бубенчики.

Однажды Шпреегарт признался:

— Я прекрасно знаю, что меня будет терзать на смертном одре.

— Что?

— Слушай.— И с туманом на глазах он стал рассказывать: — Я тогда был зелен, как огурец. Когда при мне говорили: «он просил у нее руку и сердце», я и не предполагал, что в переводе на человеческий язык это только и означает: «поспим вместе». Так вот, в те наивные времена мы жили лето по-соседству с польской служивой семьей — Пширыжецких. Отцы наши вместе винтили, матери варили варенье, с панятами мы играли в шар-мазло, а по шустроглазой Ядзе я беззвучно вздыхал. Как-то, проходя огородами, оттекшими в овраг, Ядзя показала мне лазейку в высоком заборе, окружавшем польскую дачу. А часа четыре спустя я уже крался на первое в жизни ночное свидание. Проклятая луница яичницей-глазуньей украсила небо. Ядзя — бледная, повздрагивавшая в сквозной набросайке,— сидела на подоконнике. Шустрые глаза ее были будто проглочены зрачками. Жадными, прекрасными и, вместе с тем, какими-то коровьими. Я сел рядышком и...

Он простонал:

— Замер.

— Ну?

— Замер!.. и все.

никогда не отправляются к чертовой матери по собственному желанию?

Я поднимаю с земли камень и бросаю в проклятую птицу. Она продолжает висеть на суку, как старый башмак.

Я бегу.

Ах, почему не Сковорода возделывал мое сердце. Разве не стал бы я мужественней, если бы и меня сызмалу он оставлял между гробов, будто для того, чтобы отменней было мне слушать его игру на флейт-равере, доносящуюся из неподалекой рощи.

Ветер хлопает позади меня в ладоши. Мне даже слышится неясное, будто с галерки: «Бис». Я зажимаю уши: «Бис». Что, собственно, ему угодно? Понимаю. Ему понравилась моя работа — быстро и аккуратно. Он хочет, чтобы я еще кого-нибудь повесил. Например: свою квартиро-хозяйку — у нее тоже неудобный характер. Шиповата. На запрошлой неделе, когда я на ее полу в кухне положил свое сливочное масло, она полила его керосином. А чтобы я отучился топать каблуками — она потихоньку плюет мне в суп. Придумщица. Она меня доконает, если я ее не повешу. Третьего дня я сам видел в замочную скважину, как она посреди ночи собирала в жестяную коробку от зубного порошка клопов. Громадных, черных и жирных. Хозяйка выковыривала зверей из пупиков наматрасника, из-под цветистых открыток, развешанных веерами на стене, из обойных щелок, из дырочек от гвоздей. Она сбивала их палкой от половой щетки. Клопы падали на нее, как спелые ягоды. Тогда она сняла с себя рубашку и села верхом на палку по примеру ведьмы, собирающейся на шабаш. А когда подняла руки, стала четырехголова, как дракон. Назавтра отвратительные насекомые были выпущены из коробки от зубного порошка в мою кровать.

5

Я опустился на скамейку. Мне захотелось спать. Раз шесть я сладко позевнул.

На траве, обносившейся и злой, валялась будка, в которой летом торговала мороженым барышня, более веснущатая, чем ночное южное небо.

Я подумал: «Мой бедный друг огурцы любил пуще, чем мороженое и апельсины».

Неожиданно из будки выползла женщина. Она отрясла рыжие юбки, приудобила шляпу с петушиными перьями, воткнула папироску в зубы и, сев рядом со мной, стала в средоточии разглаживать только что заработанную кредитку.

Я сообразил: «Сейчас спрячет ее за чулок. Так всегда поступают проститутки в кинофильмах».

И отвернулся, испугавшись, что ее голая нога выше колена напомнит мне шею моего друга, а красная подвязка — петлю.

Женщина тронула меня за локоть и начала фразу, негнущимся, как офицер, голосом:

— Мальчик, а мальчик...

Но закашлялась, захрипела и высморкалась на песок. Мне почему-то вспомнилась старенькая загадка: бедный наземь кидает, рогатый с собой собирает.

— Безурядица, мальчик, кругом. В баню нас не пускают, а в комнате, печаль по плечам, мамочка живет. Пойдем...

И кивнула петушиным хвостом на будку.

— ...Сказочку тебе расскажу.

Я обернулся, встретился с ней глазами и вскрикнул:

— Пиф-Паф!

6

«Ах, сердцеедка ты моя, львица пензенская!»

Я глажу ее неопрятные ладони, колючие колени, дышу на пальцы, затягиваю на башмаке развязавшиеся шнурки.

До чего же любит русский человек всякую дрянь. Вшу, вот, величает скотинкой, животинкой, утяткой, коровушкой. «Царь Константин гонит кони через тын» — это когда мерзопакостину-то гребнем вычесывает. А блоха у него — карапузик, вьюрочек, маленька барынька, пузатенька собачка, каренький жеребчик.

«В шатер взойдет, богатыря перевернет». А то еще слаще: «Милый мой спит со мной, а погладиться не дается».

Вот она, народная мудрость!

Русский человек? Глупо. Подло. Совершенно лишнее. Неосновательная фантазия природы.

7

Пенза. Люстра истекает висюльками. Пиф-Паф тоже хрустальная висюлька. Скользящий лакей-татарин, распуша хвостики фрака и подложив салфетку под раскаленную тарелку, вносит на вытянутой руке ростбиф, кровоточащий, как голова пророка.

Сервизы в Эрмитаже старинные, в надписях. На моей тарелке полуславянская вязь: «Амур, смеясь, все клятвы пишет стрелою по воде».

На плюшевом диване с кистями, оборванными у валиков, спит, подложив под голову бутылку «Аи», сарайский помещик. Он по-бабьи дышит животом. Рыхлым, бульбулькающим, высунувшим белый язык сорочки.

Мой друг высобачивается:

— Мадемуазель, вы начинаете опускаться.

Это потому, что у Пиф-Паф в носу, в ямке, похожей на перламутное гнездышко, где выращивается жемчужина, золотится волосок-шелковинка.

8

— До чего же он был, Мишка, красивый.

— Почему был? Почему, Пиф-Паф, ты говоришь: был?

— А я так думаю, что его большевики расстреляли. Они всех хорошеньких перестреляли.

Пиф-Паф сердито комкает рублевку.

— А, может, и лучше, что закопали. Оторловали орлы.

И задирает юбку. Мелькает красная, как петля, подвязка, и голая, как его шея, нога.

Я кричу.

9

Темное солнце качается на невидимой паутине. Качается? Плечи всасывают голову. Я без головы. Ужас меня обезглавил. Ладони вылезают из карманов, как глаза из орбит. Я роняю перчатки. Они лежат на тротуаре. Я боюсь их поднять. Они словно отрубленные кисти рук. Я бегу, ударяя обрубками по воздуху.

Мой друг тоже сейчас качается. Вытянув ноги. У него пальцы, как у мышонка. Мне как-то удалось рассмотреть мышонка. Он бегал в мышеловке не на лапах, а на руках с пальцами и ногтями Тициана.

А ноги? У моего друга были превосходные ноги. С чудесными ступ-

нями. Как у свиньи. Люди ни черта не видят, что вокруг них делается. Они воображают, что у свиньи безобразные ноги. А у свиньи самые элегантные ноги в мире. Крохотные. С изысканным подъемом. Аристократическим носком, на высокой пятке. Свинья ходит словно на французских каблуках.

Я хватаюсь за карман. Я беспартийный, но у меня есть право на ношение оружия. К величайшему моему ужасу, мне преподнес это разрешение, вместе с браунингом, начальник конотопского ГПУ. Он славный парень, этот гепеушник с глазами кормилицы.

Какая чепуха! Я никогда не ношу с собой револьвера. Я его боюсь. Он у меня заперт в нижнем ящике письменного стола. А заряженные обоймы заперты в чемодане. Я не рискну их положить вместе с браунингом. Вдруг выстрелят.

Я осматриваюсь. Мне необходим булыжник. Чтобы размозжить себе голову. Или, может быть, на рельсах трамвая дать самому себе подножку? Ведь никто лучше моего во всем классе не давал подножек. Саша Фрабер однажды пересчитал своим бабьим задом все шестьдесят четыре ступеньки нашей гимназической лестницы. Еле поднявшись, он сказал, потирая задницу: «Теперь я должен хорошенько подумать, кто бы это мог дать мне подножку».

— Трамвай «А».

Я облююсь счастьем, если мои отрезанные окровавленные култышки уволокут псы-чревоугодники. Я буду мысленно обжираться вместе с ними. Или, подобно Юлиану Отступнику, брать руками кровь из раны и, бросая ее к солнцу, раздельно говорить: «Насыться».

«А».

Выхаркиваю крик: «Столбование! Столбование!» Стою на месте. Руки висят. Губы шлепают: «Ох, охотнюшки, тошно мне без Афтнюшки». Я плачу. Слезы, как пенснэ. Стекла не по глазам: люди, извощики, фонари — кисея, муть, пар, безумие. Рыдаю. Соль и вода меня ослепляют.

Третья глава

1

Я впервые в доме у Шпреегарта. У него в руках серебряные щипчики, изображающие львиные лапы:

— Позвольте за вами поухаживать: я у нас за хозяйку.

И стал накладывать в мой стакан сахар.

— Что вы! Что вы!

— А это вам в наказание, чтобы не церемонничали. Вот и ложечкой еще размешаю.

— Нет, вы право же...

— Сами виноваты. Если бы вы...

Он будто замешкался над неподатливым словом:

— Я и говорю, сами же вы...

И сморщил нос.

— Фу, как противно получается с этим «вы»!

И сощурился.

— Меня дома зовут: Лео.

И, не договорив, стал в моем стакане размешивать сахар. Ложечка тинькала:

— Видишь, скотина, какой я милый, какой я замечательный.

Мне ничего не оставалось, как прикрыть ладонями кончики ушей, покрасневшие от удовольствия.

А Шпреегарт в эту минуту задумался над тем, какое бы подобрать для лица выражение. Собственно, подбор у него был весьма ограниченный. Впоследствии я почти безошибочно угадывал: на чем он в таком-то и таком-то случае остановится. Иногда я в шутку советовал:

— Лео, саркастически переломи губы, скажи пошлость.

— Лео, ты в недоумении: вскинь мефистофельскую бровь.

— Лео, ты презираешь: узь глаза.

— Лео, ты покоряешь: улыбайся, как балерина.

— Лео, ты чудный парень: ямочки на щеках.

— Лео, ты мечтаешь: рассматривай свои ногти.

2

Хорошо ему: «Лео». А вот как вывернешься из положения, когда тебя зовут: «Мишка». Выпалить разве: «Михаил».

Но я думал о том, что сказать «Михаил» вместо «Мишки», значило бы соврать. Я, собственно, это и сделал бы при других обстоятельствах с легким сердцем; я человек не принципиальный. Я совсем не Саша Фрабер. Это он, выскорлупившись от столичной народоволки и нерчинского попа, все сделал по житиям прудонов:

— Я принципиально не верю.

— Я принципиально не даю взаймы.

— Я принципиально не курю.

— Я принципиально приношу завтрак из дома.

— Я принципиально хожу в баню по вторникам.

Мне, конечно, ничего бы не стоило сказать: «Меня зовут Михаил». Лео, весьма вероятно, на первых порах принял бы это за чистую монету и пустил в обращение: «Вы любите, Михаил, «Снежную маску» Александра Блока?», «Неужели вы, Михаил, не любите варенье из дынных корочек?»

Возможно, что некоторое время я бы чувствовал себя празднично и необычно, как в крахмальном воротничке, одевавшемся под серую гимназическую рубашку в день бала в первой женской гимназии, куда я получал приглашение от двоюродной сестры, зеленоглазой горбуньи.

Через полчаса после первого вальса, на который я смотрел из-за колонны, крахмальные концы воротничка врезывались мне в подбородок, а запонка впивалась в горло. Я становился несчастнейшим человеком, потому что приходилось поворачивать шею с надменной медленностью, говорить в нос, смотреть свысока, не имея для того никаких оснований — т. е. ни соответствующих лакированных ботинок, ни соответствующего пробора.

Сегодня бы Лео пел, как на скрипке: «Неужели вы, Михаил, не любите варенье из дынных корочек?» А назавтра, придя в гимназию, он услышит: «Мишка, чертов сын, поздравляю тебя с очередным прыщом на носу», «Ребята, Мишке-скотине в срочном порядке требуется девочка», «Ребята, предлагаю в складчину сводить Мишку к мадам Тузик».

Наконец, я припоминаю, что уже в те отдаленные времена, когда я на четвереньках пытался переползти нашу Завальскую улицу, более широкую в моих карапузьих глазах, чем теперь целая жизнь, мать, свесившись из окна, кричала: «Мишка, в колее утопнешь! Назад скоро рачься, слышь?»

Память, собственно, твердо сохранила только одно первое слово.

Но я не сомневаюсь в полной непридуманности остальных, потому что мать с разительной терпеливостью относилась с той же острасткой ко всем моим четырем сестрам и семи братьям, заявлявшимся на свет один за другим без малейшего рассеяния и через совершенно равные промежутки времени.

Рождение человека в нашей семье было событием нисколько не важным. Отец обычно сообщал о нем следующей фразой: «А старуха-то моя поутру опять мальчишку выплюнула».

Несколько недель тому назад мне исполнилось тридцать четыре года. Если переводить на старинку, по должности я действительно статский. Партийцы мне говорят: «Товарищ Титичкин». Виднейшие спецы: «Михаил Степанович». Но стоит кому-нибудь вообразить, что стены кабинета непроницаемы, как до меня доносится:

«А у Мишки-то нашего автомобиль отбирают.»

«Ах, бедненький Мишка, он этого не переживет.»

«Припадочный!»

«Автомобиль, Кузьма Иванович, для Мишки символ.»

«Идиот!»

3

Не найдя сколь-нибудь удачливого выхода из положения, в которое меня поставил, сам того не ведая, Шпреегарт, я предпочел отделаться мучительным молчанием.

Я смотрел на золотой круг стакана. В нем плавал абажур, обрамленный кленовыми листьями цвета сентября. Я пытался по нему угадать мягкие линии рук, кудреватый узор походки и глубину глаз отцветающей тетушки Лео. Именно она — танта Эля или танта Алис, на имени которой я не успел остановиться, по моей твердой уверенности, сшила этот абажур ко дню ангела старого Шпреегарта.

Вначале образ отцветающей женщины был для меня туманен, как снимательная картинка, только что принесенная из игрушечного магазина. Но когда я разглядел на абажуре маленькие кровянистые ягоды рябины и причудливо переплетшиеся серебряные нити осенней паутины,— снимательная картинка стала необыкновенно яркой по краскам и точной по рисунку, словно ее перевели на глянцевитый лист альбомной бумаги.

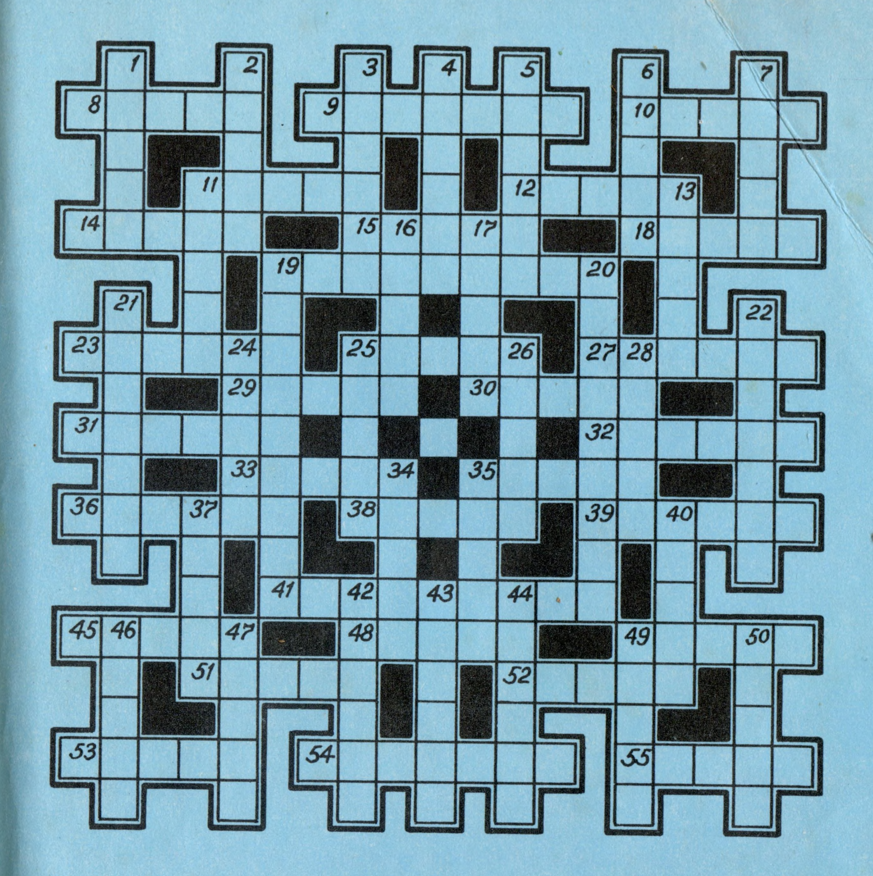
Я увидел и сдобные ладони сорокалетней дамы, и губы, слегка запекшиеся от позднего чувства, и плечи, гладкие и горячие. Казалось, они больше всего боялись глухого платья.

Вслед за тетушкой,— мне захотелось увидеть его бабку, покойную мать, отца, двоюродную сестру. Я стал искать их в комнате.

Бабка мне представилась в буфете, завладевшем целой стеной и большею частью воздуха и света. Прямые суровые створки. Поседевшее от времени красное дерево. Черные медальоны, свидетельствующие о мрачном характере императора Павла. Звериные лапы, впившиеся в пол. И я нарисовал образ строптивой старухи, одетой гербами и родословными.

Круглый вращающийся стол на одной ножке, с бантами из карельской березы, уверил меня, что его покойная мать была приветливой и легкомысленной женщиной.

Продолжение следует.

По горизонтали: **8.** Опера В. Беллини. **9.** Часть курортного района Одессы. **10.** Жизненная активность, жизнедеятельность. **11.** Морское неподвижное животное. **12.** Высокий мужской голос. **14.** Молочный напиток. **15.** Объявление о спектакле, концерте. **18.** Кондитерское изделие. **19.** Сборник новелл Д. Бокаччо. **23.** Озеро в Карелии. **25.** Минерал класса сульфатов, тяжелый шпат. **27.** Здание железнодорожной станции. **29.** Город в Италии. **30.** Персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». **31.** Поэт, классик советской детской литературы. **32.** Перламутровое образование, развивающееся в теле некоторых моллюсков. **33.** Римский историк I в. **35.** Кустарник с сочными съедобными плодами. **36.** В хоккее с шайбой штрафной бросок в ворота соперника. **38.** Гибкое изделие из стальных, синтетических или растительных волокон. **39.** Предоставление преимуществ кому-либо. **41.** Советский космонавт. **45.** Концентрированные грубые корма. **48.** Лиственное дерево. **49.** Типографский шрифт. **51.** Рыболовная снасть. **52.** Опера С. Прокофьева. **53.** Традиционный персонаж французского народного театра. **54.** Кондитерское изделие. **55.** Памятник древнерусской письменности.

По вертикали: **1.** Бог северного ветра в древнегреческой мифологии. **2.** Вид контрольного документа, удостоверяющего право на получение чего-либо. **3.** Старинный русский танец. **4.** Одна из киноролей народного артиста СССР Б. Чиркова. **5.** Швейцарский живописец, автор картины «Шоколадница». **6.** Покатый спуск, боковая наклонная поверхность дорожной насыпи. **7.** Выпуклая крыша в виде полушария. **11.** Торжественный смотр войск. **13.** Млекопитающее сем. зайцев. **16.** Крупная промысловая птица. **17.** Должностное лицо графства в Англии, США. **19.** Изысканное кушанье. **20.** Советский авиаконструктор. **21.** Шутник, весельчак. **22.** Овощная культура. **24.** Семья итальянских мастеров смычковых инструментов. **25.** Многоцветная ткань у народов Индонезии. **26.** Неоконченная поэма А. Пушкина. **28.** Роман А. Хейли. **34.** Река в Киргизии и Казахстане. **35.** Котел для приготовления пищи. **37.** Рыба сем. кефалей. **40.** Чешский писатель-сатирик. **42.** Водный источник. **43.** Цветок. **44.** Вдохновение, внезапно пришедшая мысль. **46.** Полуостров на западе Великобритании. **47.** Металлический кружок, заменяющий монету в торговых автоматах. **49.** Небольшой насос. **50.** Буква латинского алфавита.